

XLII

ПАМЯТНИКИ

ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1883
ТИПОГРАФІЯ ДОВРОДЪЕВА, ТРОИЦКІЙ ПЕР., 32

Printed in Russia.

ДВОРЪ ЦЕСАРЯ ТУРЕЦКАГО

СОЧИНЕНИЕ

Ксенза Симона Старовольскаго, кантора
Тарновскаго,

ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЙ

„ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ“,

СЪ СОКРАЩЕНИЯМИ, ИЗМѢНЕНИЯМИ И ДОПОЛНЕНИЯМИ ПРОТИВУ ПОДЛИННИКА

НА СЛАВЯНОРУССКОЕ НАРЪЧІЕ СЪ ПОЛЬСКАГО ПЕЧАТНАГО ИЗДАНІЯ
1649 ГОДА СДѢЛАННЫИ ВЪ 1678 ГОДУ, ВО ВРЕМЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ
ВЪ ВОЙНѢ СЪ ТУРКАМИ, ДЛЯ ЦАРЯ ТЕОДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА

ПЕЧАТАЕТСЯ СЪ РУКОПИСИ,
НАХОДЯЩЕЙСЯ ВЪ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОИ ВИБЛОТЕКѢ, ЗА № 539.

Сообщеніе А. Л.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Добродѣева, Троицкій пер., 32
1883

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ нашей бывшей Патріаршей, нынѣ Синодальной библіотекѣ, въ числѣ рукописей есть одна, повидимому, какъ-то случайно въ нее попавшая рукопись за № 539-мъ, въ четвертку, писанная на 155 страницахъ крупнымъ почеркомъ второй половины XVII столѣтія. Это переводъ на славяно-русской языкъ польскаго сочиненія ксенза Симона Старовольскаго «Дворъ Цесаря Турецкаго и пребываніе его въ Царьградѣ», напечатанное по-польски въ 1649 году. Кѣмъ и когда сдѣланъ этотъ переводъ, утвердительно неизвѣстно. Полагаютъ, что онъ сдѣланъ въ 1687 году, но въ это время было въ Россіи «двоецарствіе», а межъ тѣмъ переводчикъ, примѣняя заключительныя пожеланія подлинника къ лицу Русскаго Государя, упоминаетъ лишь объ одномъ самодержцѣ, изъ чего мы и заключаемъ, что переводъ этотъ сдѣланъ гораздо ранѣе, а именно въ 1678 г., т. е. въ единоедержавіе царя и великаго князя Θεодора Алексѣевича (1676—1682); сдѣланъ же собственно для него, по случаю приготовленій его къ войнѣ съ турецкимъ цесаремъ въ 1678 году. Полагаемъ, что книга эта переведена для царя кѣмъ-либо изъ учениковъ извѣстнаго Симеона Полоцкаго, всего скорѣе Іеродіакономъ Чудова монастыря и библіотекаремъ онаго О. Θεофаномъ, извѣстнымъ знатокомъ польскаго языка.

Прочитывая это сочинение, легко усмотрѣть, что русскій переводчикъ зналъ отлично польское нарѣчіе, какъ уроженецъ западнаго края Россіи, часть коей незадолго передъ симъ, (въ царствованіе Алексѣя Михайловича 1645—1676), поступила въ ея владѣніе, и что переводчикъ, при всемъ желаніи передать содержаніе подлинника «по Русски», не могъ отдѣлаться отъ привычки считать удобопонятными для русскихъ иныя польскія слова*), вошедшія во всеобщее употребленіе въ нашемъ западномъ краѣ, каковы: машъ (имѣшъ), страва (кушанье), шкода (вредъ), ганогъ (крыльцо), и тому подобныя**), и потому оставлялъ ихъ безъ перевода.

Не смотря на то, нашъ переводъ чрезвычайно характеристиченъ. Видно, что переводчикъ старался передать мысли подлинныя на русскомъ разговорномъ языкѣ своего времени, и потому языкъ его перевода во многихъ мѣстахъ весьма напоминаетъ своеобразный языкъ «Проскинитарія» Арсенія Суханова, или языкъ «Странствій» инока Парѣенія.

Русскіе, со взятіемъ Константинополя турками и обращеніемъ почти всѣхъ историческихъ святынь его, начиная съ Софіи, въ мечети, въ 1453 году, перестали было вовсе интересоваться Царьградомъ, и это описаніе «двора Цесаря Турецкаго» было вызвано не столько народными, сколько дипломатическими условіями своего времени. Первая военная встрѣча съ

*) Русскій переводъ этихъ словъ поставленъ нами въ текстъ рядомъ съ ними въ скобкахъ.

**) Изъ словъ, сочиненныхъ, такъ сказать, самимъ переводчикомъ, чаще другихъ встрѣчается у него слово „безперечъ“ (безпрестанно).

турками, и по счастію удачная, заставила еще косныхъ тогда на знакомство съ сосѣдами иновѣрцами русскихъ людей попристальнѣе заглянуть во внутреннее положеніе того гнѣзда, которое свилъ себѣ турецкій цесарь на развалинахъ Византійской Имперіи. Можно сказать, что для перваго знакомства со дворомъ Турецкаго Цесаря, трудъ ксенза Симона Старовольскаго былъ выбранъ весьма удачно.

Для древне-русской письменности переводъ этотъ имѣетъ свое особое значеніе: при указанныхъ недостаткахъ, — (оставленіе безъ перевода многихъ польскихъ словъ), — пусть сравнятъ образный языкъ этого перевода съ длинными и тяжелыми періодами Русскихъ же переводовъ первой четверти XVIII вѣка, и увидятъ, сколь велика эта разница не въ пользу послѣднихъ, а въ пользу нашихъ древнихъ переводовъ на русскій народный разговорный языкъ XVII столѣтія, не «книжно», а «просторѣчіемъ».

А. Л.

ДВОРЪ ЦЕСАРЯ ТУРЕЦКАГО

и

ПРЕБЫВАНІЕ ЕГО ВЪ ЦАРИГРАДѢ

ГЛАВА I.

О положеніи Царьграда и хоромахъ его, что ни лучшихъ.

Да совершеннѣ опишитце дворъ Цесаря Турецкаго, до-
стоитъ преже описать Царьградъ, въ которомъ онъ всегда
стоитъ, отъ тыхъ поръ, какъ Греческую землю завладѣлъ,
столицу или престолъ свои тамъ утвердилъ, веселосью мѣста
и украшеніемъ хоромъ, выгодною на моря, и, славы мно-
госью, радѣнія Цесарей греческихъ, возбужденъ.

Лежитъ Царьградъ на одномъ камнѣ земли, а море зъ
двоихъ сторонъ его обходить, имѣеть по одной странѣ ка-
наль, сирѣчь источникъ Гелеспонѣтумъ (Гелеспонтомъ)
нареченный, которымъ вода изъ моря Чернаго въ море Бѣ-
лое, Пропонтидисъ именованное, великимъ устремленіемъ
идеть, рыбъ имѣеть въ себѣ множество; по другой странѣ
того камня есть однага (заливъ) морская, которая въ землю
входитъ, опредѣляетъ градъ Галату отъ Царьграда, на по-
прищъ сколько добрыхъ разлеваючись, подобіемъ рукавицы
не-перчатой, остро въ концѣ. А въ тую одногу входитъ
рѣка великая съ Траціи (Θρακίи), именованная Хеатана,—
а тамъ древнихъ лѣтъ построена была паперня (бумаго-
дѣльня) славная, отъ Константына великаго. Царьградъ есть
продолговатъ, а не добръ шпрокъ, лежитъ на семи горахъ,
тымъ подобіемъ какъ Римъ старый во Влошехъ, а тые горы

лежать за собою рядомъ, одна за другою, подобіемъ какъ бы коня за конемъ вель въ длину, черезъ весь градъ.

Першая гора не добръ высока, лежитъ на концѣ самаго клину, имѣетъ кругъ себя море, а тамъ построенъ дворъ Цесарскій, въ которомъ всегда живетъ Турскій, по своему зовутъ Шарай (Серай); потомъ другіе горы, лежатъ срединною града, имѣетъ на себѣ многіе предивныя хоромы; осталная гора есть въ концы града, отъ полунощной страны, съ пріѣзду отъ Адрианополя; между тое горы и другіе, что подлѣ, въ долинѣ видно приведенье воды склепами, на высокихъ вельми и толстыхъ столбахъ вдоль здѣланными, еще отъ Константина великаго, великою казною и дѣломъ вельми искуснымъ, равняетце преискусному дѣлу древнихъ Римлянъ: (искуснѣ паче иныхъ приведеніи водъ въ самомъ градѣ); приведены чрезъ миль Влоскихъ четырнадцать, (нашихъ 15 верстъ), даже до самаго двора или Сараю Цесарскаго; а тѣ то склепы войнами на многихъ мѣстахъ попорчены были, поправилъ великой казною Солиманъ Цесарь и разпространилъ, дабы больше воды ими проходило, не токмо въ Шарай, но и во весь градъ въ многихъ мѣстахъ. И такъ, съ того одного приведенья воды идетъ въ градъ шесть сотъ чотырдесять источниковъ, опричѣ бань торговыхъ, въ которыхъ безнеречь (непрестанно) мыютца люди всякаго языка, а платятъ отъ челоуѣка по пяти аспръ (есть то деньги Турецкіе серебряныя, подобіемъ русскихъ копѣекъ), а тые пять аспръ меньше гроша русскаго; и есть тыхъ лазень (бань) въ городѣ двѣстѣ сорокъ, кромѣ что за городомъ мѣста угодныя купатца. А то все съ тое воды, что Солиманъ распространилъ. Идучи на послѣдней горѣ, въ концѣ града отъ полунощи, сближающсь къ одногѣ морской или ко источнику текущему, есть древанаго дѣла замокъ или городъ каменный о семи башняхъ, именованный Гедикулъа, (Едикулъ), тамъ всегда живетъ служилыхъ людей съ женами двѣсти пятьдесятъ челоуѣкъ и платятъ имъ деньгами,

имѣть всякъ жылье собеное з женою и з дѣтьми; надъ ними начальникъ, Кашталянъ того города, имѣть при себѣ четырехъ Порутчиковъ заводныхъ и женатыхъ, а самъ того города долженъ беречь, что ему невольнo за башню выйтить, кромѣ повелѣнія Везиреваго, дважды только въ годъ на свято или праздникъ, котораго всякъ Мохометанъ долженъ быть въ мечети, сирѣчь божницы своей на молитву а наипаче у святое Софіи.

Тые семь башень давно полны бывали всякихъ дорогихъ вещей, и въ нихъ всю казну Цесарскую хоронено: въ одной деньги золотые и пруты золотые литые; въ другой деньги серебряные древніе и великіе, въ третьей посуда дорогая, узды конскіе дорогіе и всякое оружье серебромъ и зомотомъ обложеное; въ четвертой всякая посуда дорогая древняя золотая, серебряная, хрустальная, бурштынная (янтарная), коральная и многихъ каменій, дѣланная; въ пятой всякое орудіе, что добываютъ города; въ шестой многіе древніе украшенія: морскіе и дѣланіе (издѣлія) съ кости слоней; а тѣ всѣ вещи привезъ былъ Селимъ Солтанъ, когда Тавризь великій градъ Персскій взялъ, а въ седмей башни, подлѣ которое есть галлерія великая, ховано (спрятаны) только письма всякіе и орудіе звѣздотеческое нонѣ всего того меньши обрѣтаетца, потому что Селимъ другой Криту у Венетовъ достаючи, много казны оттоля на служивыхъ роздалъ, и потерялъ не мало на войнѣ съ Христіяны на мори, при Карлѣ пятомъ Цесарѣ Римскомъ, и что ни лутчую казну принесъ въ Шарай свой, гдѣ самъ живетъ, а сынъ его Амуратъ ничего тамъ не прибавилъ, но и послѣдніе, что наилучшія вещи принесъ тамже въ Шарай, и нонѣ тотъ городъ обернуть на узниковъ, черныхъ и знатныхъ, когда котораго Башу (Папу) за что посадятъ, или Хрестіанъ на войнѣ, котораго знатнаго человекъ поймають. А тамъ посаженнымъ узникомъ вольно ходить по городу, только не вольно имѣть ножа и никакова оружья;

и недавныхъ лѣтъ сидѣлъ тамъ Гсемени король Ангерскій (Алжирскій), и имѣа при себѣ четырехъ слугъ, и два сына Короля Тугерлянскаго (Тунисскаго), и всякъ имѣлъ собеное жилье.

Всѣ тые башни Гедикулы четверогранные до верха, вмѣсто кровли каменные остро, подобіемъ столбовъ, оловомъ накрыты; воротъ въ томъ городѣ не отпирають, только въ другимъ часу дне, а запирають за часъ до ночи, въ Пятницу за три часа до солнечнаго захожденія запирають, съ полдни за часъ.

Городъ тотъ запасомъ всякимъ изобилень, пороховъ, оружія всякаго много безъ мѣры.

Пушекъ самыхъ большихъ тридцать, меньшихъ сто и еще меньшихъ много. Есть тамъ въ серодкѣ баня и огородъ Цесарскіи и огородки (сады) малые служивыхъ; на которыхъ сѣють себѣ огородное зеліе, и мосхеа, сирѣчь божница, отъ Цесаря утверждена грамотами, что хто въ ней молитца въ Пятницу, получаетъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ, и ни которая божница тое чести или благодати не имѣеть; тамъ же есть источникъ з земли исходящій изобильной воды и прудецъ малой объ одныхъ жернахъ хлѣбъ мелеть безперечь, но иная вода тамъ есть приведена древнихъ лѣтъ, такъ искусно, что никто не вѣдаетъ, откуда вода та приведена.

ГЛАВА II.

О божницахъ или мосхеахъ Турецкихъ.

Большы двохъ тысячь Турецкихъ божницъ въ Цареградѣ; промежь тѣми есть пять, которымъ грамоты наданы отъ Цесаря и освящены (какъ они вѣрятъ), что всякъ хто въ нихъ молитце во уреченные дни, получаетъ оставленіе грѣховъ, а осемь мосхей есть лутчихъ, строенія древняго.

Первая есть mosqueа АЙА Софіа (св. Софія), древняя церковь христіанская, Константиномъ великимъ казною великою построена, близъ Сараю Цесарскаго, и тамъ погребены сыны Отмановы. Другая mosqueа Солтанъ Баязеть именованная, того ради, что того имени Цесарь ея построилъ великою казною. Третья Солтанъ Мехметъ, которую построилъ сынъ Солимановъ Мехметъ именемъ. Четвертая Солиманія, лутчая сверху нежели церковь святое Софіи, которую построилъ Солиманъ Цесарь, полъ третья милиона, сирѣчь двадцать кротъ сто тысячъ и пятьсотъ тысящъ червоныхъ золотыхъ казны на нея выдалъ; въ той то mosqueи много столбовъ мраморныхъ всякихъ красокъ, дѣломъ вельми искуснымъ, тутъ же богодѣльня, жильє робятамъ, которые учатце грамотѣ, баня и иное строенье про ихъ поновъ. Пятая Солтанъ Селимъ, которую построилъ Цесарь Селимъ, жалѣючи за грѣхъ свои, что отца своего убилъ, чтобъ самъ царствовалъ тотъ; Цесарь за семь лѣтъ подбилъ (покорилъ) Египеть, Сирію и землю святую, и часть Царства Перскаго, и присугубивъ много доходовъ въ казну свою половину того, какъ прежніе Цесари имѣли. Шестая божница между лутчими, Солтанъ Мехметъ, которую построилъ Цесарь Мехметъ, тотъ что Царьградъ взялъ. Седьмая, реченная Морадъ, которую построилъ Амуратъ на томъ мѣстѣ, идеже преже была церковь Патриаршая; осмая Солтанъ Амуратъ, которую того имени Цесарь построилъ, подобіемъ и великостью Mosqueи Солимановой, кругомъ строенія много, но не такова, что Солиманова, понѣже онъ въ свою мраморы возилъ со Александрии, Сиріи и Месопотаміи.

Святое Софіи церковь, которую Турки на свою богомерскую божницу оборотили, всѣ иные строеніемъ богатымъ превосходитъ; строена та церковь на шесть угловъ, четыре стѣны большіе, а двѣ меньшіе съ различныхъ мраморовъ искусно сдѣланы. Паперти такихъ же мраморовъ, кругомъ осмъ дверей, а въ церковь самую только четыре двери большіе, и тѣми съ четырехъ сторонъ входятъ противу себя на крестъ,

а въ серодѣъ связь на шестнадцати столбахъ. Покрѣто всё оловомъ, тѣе столбы, на которыхъ стоятъ вышшіе и меньшіе съ камени тесаные, чотыре порфиру червоннаго, чотыре серпентаріе, сирѣчь подобіемъ ужа, но толстшіе паче иныхъ, чотыре мрамору бѣлаго, имѣющаго черную пестредь, верхи имѣютъ вельми искуснаго древа древняго; тамъ промежь рѣзью были иконы рѣзные многихъ святыхъ Божіихъ сицерскою (столярною) хитростію дѣланныя, но Турчинъ велѣлъ ихъ поснимать; на тѣхъ столбахъ подъ сводомъ, кругомъ меньшіе двадцать чотыре столбы, которые держатъ всѣ своды на себѣ, одиѣ четверогранныя, иные круглыя всякихъ красокъ; еще на тѣхъ столбахъ третій рядъ столбовъ мраморныхъ меньшихъ отъ тѣхъ среднихъ, а на нихъ верхъ или своды, а около тѣхъ же среднихъ столбовъ еще иные двадцать чотыре столбы, широкостію церкви удержаютъ, и на нихъ своды къ стѣнамъ церковнымъ приведены, стѣны различными мраморы утверждены или украшены, и вельми искусною хитростію, по стѣнамъ различныя цвѣты рѣзаны. Такожде и паперти кругомъ древнею хитростію дѣланы, а помостъ въ церкви и въ папертяхъ вельми искусною хитростію дѣланъ, а много того помосту велѣлъ Махометь, который Царьградъ взялъ, выбрать изъ церкви и велѣлъ мѣсто того подѣлать съ каменя алябастру бѣлою. Есть въ самой церкви икона Пресвятой Богородицы дѣломъ вельми искуснымъ, кругомъ цвѣты подѣланы Греческаго нисма, которую Турки держатъ Богъ въсть чего ради, и вельми почитаютъ; кругомъ заслоны или завѣсы на чотырехъ столбикахъ деревянныхъ, но кто хочеть ея видѣть, взышовши повыше на хоры, какъ надобно икону видить, и знатно что есть чудотворна, лице всякое чести достойное. Имѣеть подъ церковью много склеповъ, а тамъ Християны имѣли много олтареи святыхъ Божіихъ, и тамъ погребались, а то все дѣло греческое и ничево Турчинъ не испортилъ, а сказываютъ что тамъ много мощей святыхъ, которыхъ не достойтъ никому касатись, чего ради;

да никто тамъ не входитъ, велѣлъ Цесарь всѣ двери позкрѣплять, взялъ оттолѣ восемь кувшиновъ масла нѣкакова, вельми дрежняго, которое въ тыхъ кувшинахъ желѣзными крышками покрыто стояло запечатано; на одномъ было написано, что Константинъ великій поставилъ, а на другомъ написано, что отъ двухсотъ лѣтъ стоитъ, масло тое было какъ молоко, а жирное на подобіе масла деревянаго, и отлившы Цесарь себѣ того масла, велѣлъ поставить тамъ, гдѣ оно стояло; а въ томъ склепѣ входъ чрезъ двери желѣзные, а съ тыхъ склеповъ подъ землею идутъ далече переходы тайные подъ городъ, а на входѣ каждаго склена лежитъ одно тѣло въ гробѣ мраморномъ, а какъ паче два склены подъ Шарай Цесарскій къ морю, а другой идетъ средѣ города къ стѣнѣ городской, и есть къ нему ворота з города, и тамъ лѣтомъ тые, что всякіе матеріи шолковые дѣлають, снують шолки своѣ, понеже пространенъ есть и видно въ немъ; а платять за то во всякъ годъ двѣстѣ червонныхъ золотыхъ Цесарю.

Хоромы, которые около тое церкви на священниковъ были, всѣ Цесарь велѣлъ развалать, кромѣ мало хоромъ старыхъ, что нонѣ въ нихъ живутъ ихъ иноки махOMETанскіе, и тые, которые служатъ въ божницахъ, а что тамъ была крестилница вельми стройная шестигранная, и тое Турчынъ въ Шарай перевёсъ.

Мосхеа Солиманова вельми искусною хитростию сдѣлана, имѣеть въ себѣ много столбовъ мраморныхъ удивительныхъ, которые онъ издали великою казною возилъ; верхъ на ней великій, двѣ паперти, кругомъ вельми стройные, а на меньшей кровлѣ тридцать два верха, а на всякомъ углѣ божницы по четыре башни двѣнадцать-гранныхъ з мрамору бѣлаго дѣланые; з тыхъ башень по обыкности своей скамкають (сзываютъ) ихъ попы людей въ божницу на молитву, понеже оны колоколовъ не имѣють, по закону МахOMETову, а когда имѣють праздникъ годовой, то съ тыхъ башень перетягують веревки и вѣшаютъ лампы зажженныя; дѣлаючи на нихъ мѣсяць,

солнце, звѣзды, кони и иные вещи удивленія достойныя, которыя на всю ночь святятца, и есть чему подивитце, а то такъ строятъ чрезъ осмь днѣи.

ГЛАВА Ш.

О церквахъ Христїанскихъ.

Есть въ Царьградѣ церквей Христїанскихъ, аще Христїанинъ Турки и ненавидятъ отнюдь. На перво Греки имѣютъ церквей своихъ около сорока въ самомъ городѣ, Арменскіе четыре костелы, а римскіе два: одинъ святаго Николае в богадѣльнею, а другій Пресвятыя Богородицы; тѣ оба костелы на одной улицѣ, которую Турки зовутъ кааа нагалія; а въ томъ костелѣ есть икона Пресвятой Богородицы съ младенцемъ на доскѣ деревянной, подобіемъ иконы тое, что въ Римѣ «дель конѣ фалоне», художествомъ древнимъ, вельми честенъ, возбуждающій человѣка къ сокрушенію, и тое икону Влохи зовутъ: мадона ди Константинополи.

Недалече есть градъ П е р а, Турки зовутъ Галата, тамъ больши живутъ торговые люди Христїане, а наипаче Венеты, а посолъ Венецкой, котораго они зовутъ Байло, стоитъ между винными погребами того города Перу, такожде и посолъ Французскїи, и иныхъ Королей Христїанскихъ, ради добраго воздуха, кромѣ посла Цесаря Христїанскаго, которой недолго живетъ у Порты, какъ и иные, но какъ прїѣдетъ, то становитце въ самомъ Царьградѣ. И имѣютъ жида тридцать и осмь божницъ своихъ въ Царьградѣ на девяти мѣстахъ опрочныхъ, обаче Греки Церкви свои имѣютъ во всѣмъ градѣ, а наипаче въ середки града, многіе народы осѣли собены улицы; а Цыгане одинъ уголь сами осѣли, которыхъ великое есть множество съ дѣтьми и женами ихъ.

ГЛАВА IV.

О стѣнѣ града, башняхъ, торгахъ и лавкахъ купецкихъ.

Царьградъ имѣеть около себя стѣну каменную старую, еще при созиданіи отъ Константина Цесаря, подобіемъ стѣнамъ Римскимъ, съ башнями четверогранными; тое стѣны, кромѣ Шараю великаго, есть кругомъ миль Влоскихъ четырнадцать (15 русскихъ верстѣ), а Польскихъ миль три; а кругомъ Шараю Цесарскаго море оба полъ, а лежитъ клиномъ на три четверти мили польскія, а третя сторона отъ города, двѣ мили Влоскихъ. И всего города и съ Сараемъ есть кругомъ миль Польскихъ четыре добрыхъ, нашихъ двадцать верстѣ. Воротъ, которыми въ городъ ѣздятъ есть двѣнадцать: четыре отъ поля, сирѣчь приѣзду отъ Польши; но токмо двѣ стройныя, однѣ, которыми ѣздятъ съ Адрианополя, другіе ворота, что ѣздятъ зъ города Бургу (Бургін), а тамъ сказываютъ лежитъ тѣло или кости Іова праведнаго, а отъ поля, около города двѣ стѣны каменныя одна вышшая, а другая низшая; отъ моря же одна стѣна; кромѣ воротъ названныхъ Айкапезы (Ай-капуси), сирѣчь воротъ святыхъ, понеже при владѣніи Цесарей Греческихъ на тѣхъ воротахъ была церковь, идѣже много мощей святыхъ Божіихъ опочивало всегда, множество народа сходило съ Богу молитца, а нонѣ зъ тое церкви здѣлана mosqueя, того ради, что тѣми вороты Турокъ въ городъ въѣхалъ, стѣны старыя съ пушокъ разбивши; Христіане, которые изъ города боронились, поставили было въ одну ночь стѣны тое на миль Влоскую, обаче Турки съ иное стороны въ городъ увошли, а Христіане тревожившися отбѣгли, когда увидѣли непріятелей въ городѣ, за собою, а та стѣна и до нынѣ стоитъ предъ тѣми вороты.

По другую сторону города отъ источника великаго противу Натоліи (Анатоліи) или Азіи меньшей (малой) есть ворота шестеры; пятеры въ городъ, а шестые къ конюш-

нямъ Цесарскимъ, что въ Сарай. А по третію сторону города, отъ Галаты, которая за одною (заливомъ) морскою лежитъ, есть семеры ворота старыхъ, а двое новыхъ.

Торговъ въ Царьградѣ есть много, а наипаче предъ mosqueами; а самыхъ большихъ четыре. Першій, который изстари зовутъ Петромъ (Подроміе—Гипподромъ), тутъ поставленъ столбъ четверогранный, съ одного камня здѣланъ; два столба тамъ же меньшихъ, съ исподи поддѣланы кирпичемъ, а сами мраморные; на тѣхъ столбахъ при Константинѣ великомъ въ праздники Господскіе втыкано на самыхъ верхахъ знамена. Въ томъ же торгу три ужы покручены, головы съ розевленными губами къ верху, сдѣланы изъ мѣди весьма искусно; а одному тыхъ узовъ полгубы оттялъ самъ Махометь Цесарь, который взялъ Царьградъ, мнячи, что то было дѣло чародитвенное, чтобъ турки чаровать, а тые столбы узовые вышиною больше тридцати локоть отъ земли. Около того торгу есть шарай или дворы Цесарскіе, и Цесарь самъ, когда тѣшитце, то на томъ торгѣ выѣздить, и того ради тамъ никто не входитъ, и ворота со всѣхъ улицъ заперты; другой торгъ есть предъ mosqueо Султанъ Баязеть; а тамъ всѣ шуты скачутъ, поютъ, и хто, что умѣеть окажутца. Третій торгъ есть лутчій предъ mosqueо Солтанъ Солиманъ. А четвертый въ долинѣ между семи горъ небольшихъ; тамъ кони учатъ и скачутъ на нихъ, пытаясь, которой лутче побѣжитъ. По всякой день торгуютъ на которомъ нибудь меньшомъ торгу; а въ Пятницу на всѣхъ трехъ большихъ торгахъ, а четвертый всегда запертъ невѣдомо за какую ихъ тайну поганскую, а самые большіе торги живутъ въ Среду, въ Четвертокъ и въ Пятницы, и тые торги зовутъ Схибазаръ, сирѣчь торгъ древнихъ вещей, а есть тамъ лавокъ зъ старыми дорогими вещами, больше нежели двѣ тысящи, а отъ всякой вещи, которую лавочникъ продаетъ, даетъ пошлину на Цесаря, и того сходитъ въ годъ семь тысящъ червонныхъ. Лавокъ, торговыхъ людей и мастерскихъ большы сорока и осми ты-

сячей, а всякаго мастерства собенные ряды, кромѣ серебряниковъ и гіоеллеровъ, что всякіе штуки золотые дѣлають и торговыхъ людей со всякими матеріями шолковыми, и сукна, что ни лутчые, и тѣ только въ одномъ мѣстѣ торгуютъ. Тамже есть два мѣста Байстанъ (Безистанъ), стѣна каменная кругомъ, толста на двѣ сажени, а верхъ закрытъ, по четверы воротъ большихъ для входу, а одно мѣсто есть большое; своды тамъ на двадцать четырехъ столбахъ съ камени тесаныхъ, четверогранныхъ, вельми толстыхъ, а другое мѣсто меньшее, своды его на шестнадцати столбахъ; тамъ въ серодкѣ лавки при стѣнѣ; съ тыхъ лавокъ, что въ серодкѣ за всякой годъ платятъ по пяти сотъ червонныхъ золотыхъ, а съ тыхъ, что на дворѣ по сто червонныхъ со всякое, а то только въ большомъ Байстанѣ, а въ меньшомъ только холсты и баволницы (бумажныя матеріи) продають, а ворота также четверы, а кругомъ на дворѣ продають невольниковъ всякихъ народовъ, которые приучены къ какому дѣлу опричь стоять, а которые недавно пойманы тѣ тожь опричь, да опрично-же продають женщинъ, которые младенцовъ кормятъ (кормилицъ), иные женщины тоже опричь; а пошлины съ тыхъ невольниковъ шестнадцать тысячь червонныхъ на всякъ годъ приходитъ.

ГЛАВА V.

О пошлинахъ и податехъ градскихъ.

Понеже въ прошлой главѣ воспоминахомъ пошлину невольниковъ и отъ продажи старыхъ вещей, такожде пошлину отъ лавокъ, что въ Байстанѣ, за вещь достойную судихомъ вспоманути и иные подати и пошлины отъ художниковъ всякихъ, поелику отъ закупщиковъ, которые тые пошлины въ годъ покупають, увѣритись возмогохомъ. Напередъ положимъ дома шиневные, въ которыхъ про Христіанъ вино про-

даютъ, и про Турковъ сокровенно искусно, понеже имъ по закону ихъ вина пить неволью, и если котораго доведутъ то бы былъ вельми битъ и вину бы на немъ взято; а тыхъ то шинковныхъ домовъ полторы тысячи по переписи, и съ нихъ приходитъ по всякъ годъ кариковъ (кошельковъ)*) тридцать шесть и того будетъ больши пятидесяти тысячъ червонныхъ. Рыбы продаютъ въ десяти мѣстахъ, а наиболѣ на одногѣ морской, противъ Галаты; и даютъ отъ того на всякъ годъ пошлины двадцать девять тысячъ червонныхъ. Есть тамъ одно мѣсто, на которомъ продаютъ овесъ, ячмень для коней, и всякую огородину (овощь); зато платятъ на всякъ годъ двадцать три тысячи червонныхъ. Пошлина отъ кореня и товаровъ, которые въ городъ входятъ и по малымъ городкамъ, начавши отъ Галиполя, даже до Чернаго моря, которые зѣ суденъ морскихъ выкладаютъ, и мулами или верблюдами привозятъ, въ свое время въ городъ привозятъ; отъ того пошлины на всякъ годъ идетъ двѣстѣ восемьдесятъ пять тысячъ червонныхъ. Мясной рядъ, въ которомъ всякой малой и большой скотъ бываетъ, а оттолѣ возятъ мясо въ городъ, въ девятеромъ мѣстѣ продаютъ; съ тыхъ на всякъ годъ даютъ пошлины сорокъ двѣ тысячи червонныхъ, а наибольше пошлинъ идетъ въ Октябрѣ и въ Ноябрьрѣ мѣсяцехъ, понеже въ тѣхъ мѣсяцехъ съ Угорь (изъ Венгріи), съ Волохъ и странъ Словенскихъ множество всякаго скота пригонятъ, и въ тѣ поры всякаго чину люди во весь годъ запасъ себѣ приспѣваютъ, презъ (въ теченіи) двадцать четыре дни. Понеже вольно всякому тогда купить, и въ тѣ поры не вольно мѣсячникомъ ничево купить, покаместъ народъ себѣ довольно купить всякаго скота. И въ тѣ поры не платятъ пошлинъ дорогихъ, а за малое то время купятъ двадцать тысячъ воловъ, сорокъ пять тысячъ барановъ. А есть тамъ пошлина или

*) Кѣждо карикъ угоняетъ червонныхъ золотыхъ 1633.

подать на Цесаря, когда хто продасть домъ, ниву, огородъ о полчетверты мили отъ Царяграда, до конхъ мѣстъ поля городскіе идутъ. Тамъ же берутъ пошлину, когда хто продасть окрентъ (корабль) или иное которое судно малое или великое, долженъ дать на Цесаря отъ десяти рублевъ двѣ гривны; тотъ хто деньги беретъ и барышники отъ своихъ заработковъ даютъ половину на Цесаря, а ихъ тамъ не поятъ какъ у насъ, платятъ имъ деньгами, а сходить въ годъ пошлины съ такой продажи двадцать двѣ тысячи червонныхъ золотыхъ въ годъ. Есть еще пошлина отъ людей, которые моремъ выѣздаютъ изъ города, и невольню ни единому статку (судну) отъ берега отпуститце, покамѣсть не пересмотрятъ и увидеть, хто, гдѣ и куда и что везетъ. Аще ли Турчыня, то отъ всякаго человѣка дасть по аспрѣ, а естли християниня или жидъ, то съ головы по двѣ аспрѣ. А наипаче тамъ досматриваютъ, чтобъ хто узника или невольника котораго не увезъ, или должника; а съ того пошлины идетъ въ годъ шесть тысячъ четыреста двѣнадцать червонныхъ; поголовное жидовское, которое Турки харабъ (харачъ) зовутъ въ годъ много учинить, понеже ихъ тамъ множество великое; отдають отъ всякаго мущины въ годъ по червонному, окромѣ трехъ сотъ жидовъ, которые на службѣ Цесарской найдуютце; и тѣ не даютъ; а кромѣ поголовнаго жида въ Царьградѣ платятъ на всякъ годъ три тысячи червонныхъ, чтобъ имъ вольно молитце въ своихъ божницахъ, и по всякъ годъ отдаючи деньги, берутъ подтвержденіе своего Раби (равви), который есть старшимъ надъ всѣми ихъ божницами, или Патріархъ ихъ. А чтобъ имъ вольно въ одномъ мѣстѣ на поли хоронить мертвецовъ, даютъ въ годъ тысяча двѣстѣ червонныхъ. Греки, которые въ городѣ Галатѣ, и въ Тотарѣ (Татавля), три мили отъ Царьграда, и по загороднымъ дворамъ недалеко живутъ, откупаючи поголовное по червонному отъ мущины, даютъ на всякъ годъ по тридцать осмь тысящъ червонныхъ золотыхъ, а особно двадцать пять тысячъ червонныхъ отъ

Церкви и Патриарха; а чтобъ вольно погребатце при церк-
вахъ дають тысячу червонныхъ. Есть тамъ пошрины дѣвичье
отъ Махомета уставлены: дабы всякая дѣвица, когда идетъ
за мужъ, дала отъ себя четыре гривны, буде Туркиня, а
будетъ Христианка или жидовка, то червонный золотой; и на
то собенный приказъ; что въ немъ записують всякой бракъ.
Армянскіе дочери въ Царьградѣ тыхъ пошринъ не платятъ,
но индѣ по всей области его платятъ. Римляне, которые на
Галатѣ или въ самомъ Царьградѣ дома и жены имѣють,
даютъ по всякъ годъ по червонному золотому отъ головы, обаче
многіе не дають, именуячись быть слугами посла Венеціан-
скаго или иныхъ пословъ, королей Христианскихъ, которые
тамъ безперечь живутъ. Цыгане отъ себя и отъ жонъ своихъ
з головы по всякъ годъ дають по два червонныхъ, и ни ски-
таютце нигдѣ, въ домахъ сидятъ, мастерствомъ и торгами
кормятце. Имѣють надъ собою начальники, которые окупил-
ись или отпущены, и поженясь въ Царьградѣ живутъ, отъ
себя никакихъ податей не дають, и что себѣ купують въ-
домое, только хто чѣмъ промышляетъ, отъ товаровъ платятъ.
Такожде отъ всякихъ податей свобожены: Христиане Рагузен-
чики (Рагузцы), и Ахбанчики (Албанцы). Да есть же въ Царь-
градѣ большіе трехсотъ дворовъ, въ которыхъ становятце,
когда хто пріѣдетъ, а зовуть по Турецки Карабакары (каны).
А станеть въ одномъ, колько сотъ человекъ съ коньми и во-
зами; а въ тѣхъ карабакарахъ всякіе торги бывають, и вся-
кіе напитки и ѣству продають. А что пошринъ оттеля схо-
дить, то все идетъ на mosqueи, ихъ попомъ и послушникомъ.
А какъ при древнихъ Цесаряхъ Греческихъ, а наипаче при
Цесарѣ великомъ Ираклиі, когда Царьградъ былъ въ совер-
шенной цѣлости, имѣючи въ себѣ семь миллионъ душъ
сирѣчь семьдесятъ кротъ сто тысящей, по свидѣтельству Гре-
ческихъ писарей, з города самого приходило на всякъ день
въ казну двадцать четыре тысящъ червонныхъ золотыхъ,
такъ и нонѣ, войнами многими и мучительствомъ поганскимъ

опустошеное, показывает по себѣ древнюю красоту, и множествомъ людей и хоромъ стройностію, и множествомъ подати, понеже считаючи пошлины и всякіе подати, сходитъ въ годъ изъ самага города шесть милліоновъ Польскихъ гривенъ, Русскихъ будетъ шестьдесятъ кротъ сто тысячъ гривенъ.

ГЛАВА VI.

О хоромахъ и тѣхъ мѣстахъ съ которыхъ никакихъ податей не идетъ.

Кромѣ церквей Христіанскихъ и божницъ Турецкихъ, подлѣ которыхъ есть богадѣльни и Школы и жйлье ихъ попомъ Магометанскимъ, а есть особно осьмдесятъ богадѣленъ великихъ и изобильны во всемъ, но не такъ какъ тѣ, что при mosqueахъ, и хоромы лучшіе и проходы богатныи и всякимъ строеніемъ украшены, а всѣхъ тѣхъ числомъ девять. Есть тамъ въ самомъ Цареградѣ сто двадцать тысящъ училищъ, въ которыхъ живутъ ученики, реченные софа (софты), а тѣмъ всякому собенный чуланъ, двѣ шафы (два шкафа), коверъ, двѣ пары платья въ годъ; четыре булки хлѣба па день, блюдо варенаго зелія; свѣча на ночь; а учитель ихъ всѣхъ одинъ учитъ, а иные учителя временемъ всякъ свое ученіе подасть, а всѣмъ тѣмъ учителемъ платять съ приходоу, которые идутъ на училище. Ученикомъ, всякому, когда который годъ въ одномъ училищи, не преходя выживетъ, то первое на день по аспрѣ, на другой годъ, по двѣ на день, на третій годъ по три аспры на день, и по всякъ годъ больши причисляютъ, покамѣсть всею алкорану научитце, а тѣхъ то софы зарабатываютъ себѣ, которые не лѣнивые, пишутъ книги (понеже у Турковъ печатныхъ книгъ нѣтъ), и ходять дѣтей учить въ дома богатыхъ людей. А свойственно тѣ то ихъ философы великіе безчинники бывають, но

не въ Царьградѣ, понеже здѣ боятце Цесаря и его Яничарь, а въ Караманіи и Натоліи, великую имѣютъ вольность, и никто ихъ, хотя за наибольшую вину не караетъ, прежде даже ректоръ ихъ, сирѣчь старшій, велитъ съ книгъ выписать, и подаетъ на судъ мирскій. Султанъ Амуратъ хотѣлъ одного времени вѣдать, много бы въ его Царствѣ тыхъ то софоровъ было, и велѣлъ ихъ было всюду списать въ книги, но таковое намѣреніе его помѣшала война съ Персами, а въ самой только Греціи, Караманіи, и Натоліи, кромѣ Египту, Сири и Аравіи, гдѣ ихъ безмѣрно много, ужь было ихъ насчитано девять десятъ тысячъ слишкомъ, а съ тыхъ то софоровъ или мудрецовъ есть въ Царьградѣ большіи нежели дватцать казнодѣевъ, или проновѣдниковъ, которые учатъ въ мосхеахъ, а зовутъ ихъ Сехе, сирѣчь старшій, и вельми ихъ почитаютъ за ихъ святобливість (благочестіе), а всякъ съ нихъ есть начальникъ надъ однѣмъ закономъ, надъ монастыремъ, а тѣ ихъ иноки не имѣютъ жонъ, кромѣ того, которыми есть начальникомъ надъ ними, а только дѣла ихъ, что по вся пятницы, въ честнѣйшихъ мосхеахъ учатъ людей; а въ тѣхъ мосхеахъ, гдѣ самъ Цесарь бываетъ по вся дни, тѣ то ихъ учителя чтутъ поученіе черезъ два часа и большіи; а учитель поученіе чтетъ сидя, имѣетъ предъ собою книгу большую растворенную, и тое мало прочетше, толкуетъ имъ; а когда тотъ ихъ учитель или казнодѣя умретъ, то на ево гробъ палатку каменую здѣлаютъ, а дверь къ ней зъ мосхен, сирѣчь зъ божницы пустятъ, и замыкаютъ желѣзною рѣшеткою, чтобъ тамъ никто не ходилъ, занеже имѣютъ его, аки свята мужа, и честь гробу его воздаютъ. Есть промежду и иными хоромами три двора большіи, подобіемъ парая; одинъ зовутъ сера сека, а тутъ робятъ (дѣлаютъ) сѣдлы, узда, стремена, и всякую иную снасть, что прислушаетъ къ воинскому коню; а есть тамъ мастерскихъ людей большіи четырехъ тысящей, и тѣ тамъ зъ жонами и зъ дѣтьми безпреречь живутъ; огражденъ дворъ тотъ каменною стѣною высоко,

а въ середки двора того есть мосхеа и источникъ воды чистое, ворота къ нему двои, которыми тамъ входятъ и выходятъ. А въ другихъ двухъ дворахъ янычаре живутъ: одинъ зовутъ есхи-доляръ, си есть старыя хоромы, другой Гени-одоляръ, новыя хоромы, а тотъ то новый шарай въ двое большы стараго, четверогранно сдѣланъ, продолженъ въ длину, каменный, имѣеть внутрь много жилья кругомъ, а во всякой избѣ живетъ одинъ Капитанъ, котораго зовутъ Айбакы, сирѣчь вождь славны; а есть такихъ вождовъ сто пятьдесятъ всѣхъ, а всякъ имѣеть подъ своею властію двѣсти яничаръ, которые повинуетце ему, аки самому Цесарю, а не одинъ безъ указу начальника своего не выйдетъ зъ двора того, а когда на ночь запираютъ тые дворы, то ключи относятъ большому Капитану, а отпирать, такъ имѣеть четырехъ поручниковъ, а зовутъ ихъ своимъ языкомъ боляхи-баки.

ГЛАВА VII.

О судѣхъ и справедливости Турецкой.

Мню, яко во всемъ его Царствѣ Турецкомъ тымъ же порядкомъ суды и росправа идетъ, и правда, какъ въ Цареградѣ, аще иныя грады меньшіе, и иныя же грады збольшіе Царяграда обрѣтаютце, яко онѣ и сами истинствуютъ. Въ Цареградѣ есть четыре судіи, въ четырехъ частехъ града живутъ, скорѣйшее ради росправы между народомъ, а зовутъ онѣ (ихъ) по своему Кады, а въ середки града живетъ судья большой, Кади бойвихъ, сирѣчь великій судья, а понеже, такоже есть и въ Алепѣ, въ Каирѣ, въ Дамаску и во Александри, и во иныхъ большихъ городехъ и того ради, того великаго Цареградскаго судію зовутъ Естамбуль-кады, сирѣчь Цареградскій судія, а онъ на смерть

судить, и всякіе дѣла дѣлаетъ и вершитъ, и тые четыре судіи не осудятъ никого на смерть безъ его доклада; а о всякихъ иныхъ градскихъ дѣлахъ его докладуютце. Есть еще великин судія зовутъ его Сей Басси, тотъ по всякъ день ходитъ по тюрьмамъ грацкимъ, и тамъ судить и докладуетъ Везиру по всякъ вечеръ, сказуючы ему за што, которой узникъ посаженъ; тотъ имѣетъ четырехъ поручниковъ, а всякой поручникъ имѣетъ по сороку человекъ, съ которыми всякъ обходитъ свою часть стѣны градскія, смотря, нѣтъ-ли какого воровства и разбою по ночамъ. Тотъ старинный дворъ вельми укрѣпленъ, а раздѣленъ на двое, имѣетъ воду, приведенную въ двоимъ мѣстѣ; а гдѣ узники за грацкіе дѣла или за долги, или за озорничьство на смерть сидятъ, тые избы вельми укрѣплены, а которые сидятъ на смерть, то тѣхъ мость ниже земли, а которые за долги, тѣ выше, а оприче сидятъ Христіане, оприче жидаы, оприче Турки. А будетъ ихъ тамъ всегда больши двохъ тысячъ; милостыню тамъ даютъ Турки великую, наипаче кормомъ такъ изобильно надѣляютъ, что самъ Цесарь посылаетъ провѣдывать много-ли тамъ ихъ сидятъ за долги, и который сидитъ за долгъ меньше ста ефимковъ, то всякаго зъ свое казны велитъ окупать, а если который человекъ былъ именитый воинской, то хотя бы и за сколько тысячъ посаженъ былъ, велитъ его Цесарь выкупить своею казною. Судіи ихъ егда судятъ всякіе дѣла то не требуютъ стряпчихъ, всякой истецъ самъ свою жалобу сказываетъ, и никакихъ дѣлъ тамъ не пишутъ и приставныхъ памятей не даютъ, только слугу позываютъ по отвѣтчика, а судить при многихъ людехъ, какъ онъ самъ вѣсть лучше, а будетъ кто достоинъ смиренію, то абіе при кади, какъ онъ достоинъ, смиряютъ его.

ГЛАВА VIII.

О палатахъ или Шараю Цесаря Турецкаго.

Три Шараи или палаты свое имѣеть Цесарь Турецкій въ Цареградѣ. Однѣ зовутъ великіе, въ которыхъ онъ безперечь живетъ, реченные Боюхъ-серай, другіе Есхи-серай, сирѣчь шараи старыя, а третій шарай малый на Пестройѣ (Петройѣ) а тамъ не бываетъ Цесарь только въ уреченные праздничные дни на прогуляніе, а въ томъ шараи всегда живутъ спальниковъ его четыреста, а зовутъ ихъ Азамоліяни, съ учителями своими, а тѣхъ учителей зовутъ Базолаа, которые учатъ ихъ читать, на конѣ ѣздить, съ ручницъ стрѣлять, копьемъ бить въ мету, изъ лука стрѣлять и саблюю боронитце, а тѣ когда доростутъ и выучатце то поступаютъ въ большую службу Цесарскую, а наипаче съ нихъ поставляютъ спахювъ, сирѣчь храбрыхъ воиновъ, или по нынѣшнему нарѣчію Кавалеровъ Цесарскихъ, которые з жалованья живутъ, а даютъ имъ жалованье по указу Цесаря не въ ровность, котораго чимъ пожалуетъ. А тотъ шарай построилъ имъ Браимъ баша (Ибрагимъ Паша), зять Цесаря Солимана. Четвертый шарай большій, зовомый Есхишарай, построенъ Мехметомъ, который взялъ Царьградъ, а стоитъ въ срединѣ города четверогранный, вокругъ около его стѣна каменная, на полъ трети версты, тамъ живутъ женщины, тые, которые преже женами бывали Цесарскими, и уже престарѣлись. Тамже живутъ мамки, сирѣчь кормительницы, которые кормили сыновъ Цесарскихъ или братью ево, или въ какой нибудь службѣ Цесарской были. А имъ оттоля выходить до смерти невольню, а всѣмъ идетъ жалованье съ казны Цесарское. развѣ которая пойдетъ за

повелѣніемъ Цесарскимъ за башу или иного котораго имени-таго человѣка; а то прилучаетце часто съ повелѣніемъ Цесарскимъ, и Турки сами имѣютъ себѣ за честь, когда который пойметъ такую жену, которая преже достойна была ложа Цесарскаго, или наче добиваютце таковаго супружества, обоготѣнія ради; такихъ зятей своихъ вельми жалуютъ Цесари и даютъ имъ приданаго много и достоинства, что нилучше, а и тѣ, которые замужь нейдутъ и до смерти въ томъ шараи запертые, имѣютъ всякой прохладѣ и всякое довольство, а по часту и самъ Цесарь къ нимъ захавши, живетъ недѣлю и двѣ и три, какъ ему полюбитце, и никого тамъ музынъ, дворянъ своихъ, пустить зъ собою не велить. И въ то время много у него тые жены спрашиваютъ, которая о чемъ бьетъ челомъ: или чтобъ жалованья прибавилъ, или котораго узника свободилъ, или о иной какой нуждѣ. А великій Шараи, въ которомъ всегда Цесарь живетъ, выше сего описанъ, что есть вокругъ на Влошскую милью, а нашихъ пять верстъ, около его три стѣны каменные, одна другой стѣны выше, которыми отъ моря до моря перегорожено, а двѣ стѣны и отъ моря по обѣимъ сторонамъ, почавши отъ Мосхеи Софіи, гдѣ ворота въ Шараи зъ города; въ тѣхъ воротахъ стоитъ всегда сорокъ человѣкъ на караулѣ, а зовутъ ихъ капиги; отъ тѣхъ воротъ между стѣнами до конца шараю по одной сторонѣ дровосѣкъ, а 2-хъ тысячи человѣкъ безперечь робятъ, дрова рѣжутъ пилою, рубятъ, кладутъ въ клѣтки, и носятъ въ поварню и въ хлѣбню, во абтеку и алхимию, а тѣ дрова провозятъ изъ за моря Чернаго, а возятъ ихъ лодками или ботами великими, которыхъ всѣхъ суденъ малыхъ и великихъ 2000, а зовутъ ихъ Карамузалы, и ничего на нихъ, кромѣ дровъ на дворъ Цесарскій иного не возятъ, а тѣхъ людей, что дрова возятъ и разносятъ куды надобно зовутъ белтаги, имѣютъ свою поварню собенную, и тамъ себѣ ѣсть варятъ; въ серодѣ того двора стоитъ крестиль-

ница съ церкви святой Соѳіи вынесена, а не одинъ больши не вѣзжаетъ на кони въ Шарай Цесарскій, только по тотъ дворъ, гдѣ крестильница стоитъ; всякъ тамъ пріѣхавши, ссадитца съ коня и идетъ пѣшъ въ шарай; тутъ входятъ въ другіе ворота, около которыхъ двѣ стѣны каменные кругомъ и караулъ великій капиговъ, въ тѣ ворота ни кто не входитъ безъ доклада, развѣ въ той день, въ которой бываетъ Дыванъ, сирѣчь суды всякіе судятся; а дыванъ бываетъ въ недѣлю четыре раза: въ субботу, въ недѣлю, въ понедѣлокъ и во вторникъ, а въ тые дни сходятся вси начальныи люди Цесарскіи, напередъ Везиръ великіи, по немъ Баша Натолскіи, котораго зовутъ Белиербесъ, по немъ Капитанъ Янычарскіи Гекпазаръ, два Бояра съ полаты, а зовутъ ихъ Калиссъ-хиеръ, сирѣчь судьи войсковые, которыхъ зовутъ Дезитердаръ, тые вси засѣвши въ первомъ часу до полудня, челобитыи слушаютъ и указы чинятъ; а гдѣ тотъ Дыванъ, сирѣчь суды судятся, и тамъ жилие великое, имѣетъ въ себѣ избы долгиіе, а двори во всѣхъ избахъ. Въ которые дни судятъ, а предъ тѣми избами есть портикъ сирѣчь сѣни большіе, и тутъ народъ стоитъ, которымъ дѣла есть и караулъ великій, которые не пуцаютъ входить, развѣ кого призовутъ, и то по одному впускаютъ челобитчика и отвѣтчика; а когда отсудятъ, вставши всѣ идутъ до Цесаря и даютъ ему на письмѣ всѣ тые дѣла, которые на Дыванѣ судили, коротко списавши і послѣ имянно ему докладываютъ, а Цесарь читаючи всѣ тые дѣла, на которое замолчить, то уже то дѣло утвердилось, а которое читая, кивнетъ рукою, то тое дѣло вновь пересуживаютъ, а преже покуль тые всѣ, что на дыванѣ сидѣли, внидутъ въ палату Цесарскую, входятъ Везиръ великіи, все ему именно доложить, а судьи ждуть за дверьми, покажѣсть ихъ Везиръ призоветъ, и тутъ они, ставши предъ Цесаремъ здалека, обо всемъ докладываютъ, а онъ Цесарь ни съ единымъ съ нихъ не говоритъ,

понеже онъ Везиръ есть першимъ подъ Цесаремъ; а когда посла якого иноземскаго отпускаетъ или посольство слушаетъ, то самъ Цесарь ничего не говоритъ, только Везиръ, а Везиръ преже всякаго посла приходитъ предъ Цесаря, и съ нимъ обо всѣмъ разговорить, и тутъ ему цесарь прикажетъ, какъ посла принять, и о чемъ съ нимъ договариватца, и съ чимъ ево опустить. А та палата въ которой Дыванъ бываетъ, стоитъ по лѣвой рукѣ увышовши въ Шарай, а по правой рукѣ поварня Цесарская и обтека (аптека) нижная, и тамъ про судей всѣхъ, которые на дыване садятся, строятъ рано кушонье, а наипаче вареные и печеные птицы, а промежь Дываномъ и поварнею въ срединѣ казенная Цесарская палата, а тутъ предъ дверьми всегда лежатъ на земли большіе мѣшки з деньгами, (дабы народъ всякихъ чиновъ, которые на Дыванъ приходятъ за своими дѣлами, видѣлъ великость казны Цесарской, что и въ палатѣ не вмѣщаются деньги, и по земли лежатъ, и для великихъ нуждъ казначей не успѣетъ денегъ своими писарьми считать и записывать, (а на тѣхъ мѣшкахъ з деньгами написи городовъ и иныхъ далекихъ царствъ, сколько откуль прислано). А послѣ съ тѣхъ мѣшковъ выдаютъ всякаго чину (людемъ) жалованье, сколько кому доведетца, а что будетъ искусно дѣланныхъ изъ лутчего золота всякихъ штукъ, промежь тѣми деньгами, а наипаче португаловъ розныхъ Королевъ, тѣ откладываютъ на стороны про Цесаря, а онъ тѣ въ свою тайную казну кладетъ. Послѣ идучи въ третіе ворота (попадаютъ) въ Шарай, гдѣ самъ Цесарь живетъ, а тотъ стѣною каменною не добрѣ высокою обведенъ, но толстою безъ мѣры, въ немъ ворота меньшіе першихъ воротъ, и тутъ на караулѣ стоятъ рѣзанцы, сирѣчь скопцы Цесарскіе, а вышовши въ серодку есть палаты великіе, по лѣвой сторонѣ хоромы, въ тѣхъ живутъ спальники Цесарскіе, а по другой сторонѣ на правой рукѣ обтека Цесарская и погребы въ которыхъ складываютъ коренье и зелье всякое, которое годится во обтеку; тамъ же живутъ робята малые, которыхъ тамъ

учать, чтобъ имъ пришовши въ возрастъ згодну быть на службу Цесарскую, и съ нихъ обирають спаговъ, а бываетъ ихъ всегда 'шестьсотъ.

ГЛАВА IX.

О палатахъ Цесарскихъ и его спальникахъ.

Съ того подворья, гдѣ мальцы живутъ, ходятъ ганькомъ (крыльцомъ) узкимъ на иное подворье, а тамъ въ серодѣ есть огородъ избранный, всякаго благовоннаго зелія полный, а на правой рукѣ того Шараю палаты Цесарскіе, въ которыхъ съ женами своими пребываетъ, къ которымъ ходитъ ганкомъ высокимъ, и имѣеть ключи отъ всякихъ дверей у себя, и у начальника надъ евнухами, а онъ всегда живетъ на стражѣ у тѣхъ дверей, которыми ходятъ до тѣхъ женщинъ, съ евнухами своими; а онѣ суть мурины черные и вельми непригожіе, и такихъ тамъ нарочно выбираютъ чтобъ не полюбились тѣмъ женамъ. А тѣ спальники, которые служатъ самому Цесарю, весьма лицомъ красны, а избирають ихъ нарочно, чтобъ ни одинаго злообразнаго не было, а есть ихъ во всякой службѣ по тридцати: тридцать, что ему рубашку подають, тридцать, что другую шелковую, тридцать, что жупанъ, тридцать фerezію, тридцать, что шубу или фerezію подшитую, которую когда велить, тридцать, что завой на голову кладутъ, тридцать, что его опоясуютъ, (а всякъ съ нихъ свой день уреченный знаетъ) тридцать, что обуваютъ, тридцать, что постель стелютъ, тридцать, что смотрютъ, чтобъ всякая вещь въ палатѣ на своемъ мѣстѣ лежала, тридцать, что метутъ полы.

На другой сторонѣ огорода тамъ своѣ собенные имѣеть покои, и въ тѣхъ ему только мужчины служатъ, а женской поль, тамъ не входитъ. Есть тамъ особенное жилье, гдѣ

глухіе живутъ, а есть ихъ всегда тридцать, а тое ихъ жильє съ преградою собенною и съ запоромъ; тамъ же у нихъ и лазня (бана) и колодезь и огородъ изрядной; къ нимъ тамъ часто Цесарь ходитъ и тѣшитце съ ними, а наипаче послѣ обѣда, разговоряючи съ ними на кивы, часомъ беретъ ихъ съ собою и идетъ черезъ огородъ великин, до женскаго жилья, и велитъ глухомъ съ глушками размовлять (разговаривать), и тѣшитце долго; не далече отъ тѣхъ глуховъ, живутъ карлы особно, а отъ тѣхъ не далеко евнухи, сирѣчь скопцы, еще не навчоные къ службѣ Цесарской, а не далече ихъ въ собенномъ жильѣ живутъ женщины, которыхъ зовутъ султанами, сирѣчь Царицы, а всякой собенные покои, фонтаны, сирѣчь колодези, лазни и огороды; а кругомъ всѣхъ жилья ихъ обышолъ ганокъ (крыльцо) вельми изрядной, куды къ нимъ Цесарь ходитъ, а двери собенные ко всякой такъ подѣланы, что иная не вѣдаетъ когда Цесарь входитъ къ другой; а къ концу Султанъ тыхъ жилья, есть собенное жильє, а тамъ кормятъ дѣти Цесарскіе, только сыны, а дочери всякая живетъ при своей матери; а сыномъ, скоро которому шесть лѣтъ минеть, то его берутъ отъ матки, и ховаютъ ихъ въ собенной полатѣ и даютъ имъ учителей, которые ихъ учать. И тѣ двѣ Цесарскіе большіе палаты, по обомъ сторонамъ огорода построенные, имѣютъ въ себѣ по тридцати жилья, опричѣ салъ, сирѣчь чердаковъ и коморъ, въ которыхъ самъ Цесарь живетъ; въ одной палатѣ служатъ ему мужчины, а въ другой женщины, а въ обоихъ тѣхъ палатахъ есть лазни (бани), колодези, огороды и роши, гдѣ прашство (пташство) есть различное. А все то строено отъ различныхъ мраморовъ, вельми искусною рѣзбою, стѣны около оконъ, около дверей, и по всходахъ украшено, обаче ни единого изображенія человѣческаго нѣтъ, только различные цвѣты; стѣны вельми дорогими злотоглавы и альтенбасы обиты, (а инымъ Туркомъ обивать стѣны въ хоромехъ невольпо, развѣ около постели немнога), а на

земли ковры золотомъ тканые, и тюфяки золотоголовые дорогие, ложи широкіе, а низкія на полъ локтя отъ земли, всѣ изъ слоновыхъ костей робленые, а иные сажены деревомъ алюсовымъ (алеосъ дерево вѣсять противъ серебра), и сандаломъ, съ великими штуками коралевыми; одно есть Султана Амурата, которое ему привезено съ Баиру, а цѣнять его девять десять тысяць червонныхъ золотыхъ. Въ тѣхъ палатахъ, гдѣ ему мушны служатъ, имѣеть погребы, въ которыхъ свою казну ховаеть (прячетъ), подъ тыми покоями, гдѣ самъ Цесарь сыпляетъ, и оттоль имѣеть тайныя двери, а тѣ двери тройсто желѣзны, и такъ искусно придѣланы, что никонны мѣры невозможно познать съ жилья, разъ только въ годъ тые двери отпирають, когда ему съ Баиру деньги привезуть; съ тѣхъ денегъ жалованье дворовымъ своимъ выдавши, шесть кротъ сто тысяць червонныхъ золотыхъ въ тѣ тайныя погребы ховаеть, блюдучи то, про послѣднюю нужду Царства своего.

Тое хожденіе сокровенное погребы построилъ Солиманъ Цесарь, а тотъ имѣлъ таковую обыкность, всю тую казну, которая ему съ податей въ годъ приидеть, сливать въ одну великую кулю (шаръ) золота, а то послѣ дирю, подобіемъ колодезя сдѣланнаго съ мѣди, ажъ въ погребы подъ землю велѣлъ вкидать глухому, и приказывалъ накрѣпко, чтобъ никому того не сказывали. А Амуратъ, сдѣлавъ другую дирю, такуюжъ подобіемъ колодезя, въ тѣжъ погребы зъ другое стороны палаты, гдѣ мушны живутъ, и тамъ ховалъ казну денежную, не сливаючи, вмѣсто своей, иншихъ королей работы, а хаживалъ тамъ самъ, по четыре раза въ годъ, а сказывають, тамъ кладывалъ по всякъ годъ, по три милліоны червонныхъ золотыхъ, и потому мнять, что тамъ казна не смѣтная золоте, черезъ такъ многіе годы, понеже какъ почата тамъ казна власть, то еще не бирали оттѣле ничево; и будетъ когда не станетъ казны расходное, то займутъ у Башъ

и торговыхъ людей берутъ деньги, а тое казну блюдутъ про великую нужду.

ГЛАВА X.

О огородахъ и библиотецѣ Цесарской.

Кромѣ того огорода, который есть въ срединѣ палатъ Цесарскихъ, есть иные огороды, вельми роскошны, назади палатъ и тыхъ въ которыхъ мужчины живутъ, и тыхъ, гдѣ женщины живутъ, до самыя стѣны, по обоемъ сторонамъ, къ морю; а по обѣ стороны къ морю, въ тыхъ огородахъ въ срединѣ, во всякомъ опрично покоиши малые, искусно вельми дѣланные, а наипаче одинъ на шесть граней, на столбахъ мраморныхъ, верхъ или своды утвержденны имѣеть, а промежду тѣми столбами хрустальные таблицы, такъ споены, что видитца, будто всѣ стѣны безъ всякіе спойки цѣлы, самага хрусталу здѣланы, а на верху вельми искусно сведено и покрыто оловомъ, а въ серодкѣ весь серебрянъ, нозолоченъ, по нихъ разные травы, а столбики небольшіе въ серодкѣ съ хрусталу рѣзнаго, коралами обложены; также и въ самомъ покою приборки на верху столбовъ мраморныхъ, а тотъ чердачекъ такъ свѣтель, что когда солнце надъ него надходитъ, зрѣніе чловѣку портить, что послѣ и смотрѣть не можетъ; а къ тому, что тотъ чердакъ на верху иныхъ покоевъ, то изъ него на всѣ огороды есть такое веселое прозрѣніе, что исповѣсть не возможно, хто разсудить умѣеть перспективы или трубки, чрезъ которые и дальныя вещи, блиски видятся, и прочая тымъ подобна. Недалече тыхъ палатъ по правой рукѣ отъ жилья женскаго, есть палата, а тамъ ховають утварь Цесарскую въ сундукахъ удивительно сдѣланныхъ положеную тамже и всякіе приборы на кони узды, и прочіи нарядъ изъ дорогихъ жемчуговъ и камней многоцѣнныхъ дѣланный, хо-

вають; другіе, такіе же палаты есть, гдѣ живутъ спальники Цесарскіе, тамъ тоже ховають утварь Цесарскую: перстни, запоны, сабли, и иной нарядъ Цесарскій; а на лѣвой рукѣ, гдѣ мушны ему служатъ, есть двѣ библіотеки большіе; одна подлѣ жилья спальниковъ ево меньшихъ, которою они сами вѣдаютъ, а другая тайная, позади тое первы, ближе къ жилью самаго Цесаря здѣлана, въ которой шафы или поставни, по обомъ сторонамъ подлѣ стѣны идутъ, отъ оконца до оконца подолговата, а въ тѣхъ поставняхъ дверцы рѣзнаго хрусталу, обложены каменіемъ дорогимъ, а во всякомъ поставни лежатъ двадцать четыре книги, однако (одинако) сдѣланы, обложены каменіемъ дорогимъ и жемчугомъ, на которыхъ только самъ Цесарь читаетъ; а тѣ поставни сдѣланы ниски, и онъ сидя по Турецкой обычности на тюфяку, видитъ въ поставнѣ черезъ хрустальные дверцы всѣ книги, и не вставаячи съ земли, возьметъ, которая ему покажетца и чететъ; а надъ тыми поставнями, въ которыхъ книги, положены другіе поставни вышшіе, иначе здѣланы, а въ тѣхъ дверецъ нѣтъ, а въ тыхъ поставни, по всякой Вторникъ кладутъ три мѣшечка денегъ червонныхъ золотыхъ одинъ, а два мелкихъ серебряныхъ; еъ тыхъ мѣшковъ роздаетъ Цесарь, когда захочетъ, часть своимъ шутомъ глухимъ, часть и карломъ, а часть на милостыню роздаетъ. Въ першой библіотеци, въ которой покоевыя ходятъ читать, есть книги разныхъ языковъ, всѣ писаные, а наиболѣе по Греческу, межъ которыми есть сто двадцать книгъ по два локтя въ длину, а на полъ локтя въ ширь, Константина великаго, искусно сдѣланныхъ на тонкомъ пергаментѣ, и такъ выдѣланныхъ, что тонее бумаги; а въ тыхъ книгахъ писано старый и новый завѣтъ, житіе святыхъ отецъ и всякіе исторіи, а писаны всѣ золотыми словами, оклады на всѣхъ серебряны, золотисты, жемчугомъ и каменіемъ дорогимъ усажены, и не даютъ на нихъ никому читать, кромѣ только сами на нихъ спальники читають, которые вѣдаютъ ими.

ГЛАВА XI.

О аптеце (аптекѣ) Цесарской.

Есть вещь достойная аптеку Цесарскую описать, не только того ради, что есть велика и долга, но того ради, что въ ней всякія вещи дорогіе обрѣтаютце, понеже тамъ всякого олеину по тридцати великихъ букшиновъ (кувшиновъ) стоитъ, всякаго сыропу, всякой водки и всякой матеріи дорогое, и балсаму тридцать букшиновъ всегда полны, а когда, который изойдетъ, то въ то мѣсто свѣжое матеріи положить, чтобъ никогда порожніе суда не стояли, а не только напитоковъ или водокъ, и еликтуаріи (елексировъ), но и масти, и составовъ всякихъ и дорогихъ вещей, и благовонныхъ всякихъ помазаній по тридцати всегда стоитъ сосудовъ; а тѣ всѣ сосуды вельми изрядно сдѣланы, однимъ подобіемъ въ той аптецѣ всегда робятъ (работаетъ) триста аптекарчиковъ, осемнадцать учителей, а четыре начальныхъ, которые досматриваютъ порядку.

Въ той аптецѣ робятъ сорбеты (шербеты) разные про Цесаря, а наипаче робятъ его зъ соку лимоннаго и цукру (сахару) добраго, а на то всѣ цукры, питые свѣжо съ трости вытѣменные, закупаютъ во всей Кандіи на Цесаря, и лимоны всѣ съ Банеи, которой городъ есть тамъ же въ Кандіи на Западъ, въ концу острова; тотъ городъ Турокъ недавно завоевалъ 1645 году, и всю Кандію завоевать тщится, и вже (ужъ) еѣ великую часть завоевалъ. Священникамъ, Христіанскимъ Епископомъ оттуду выѣхать, побравши иконы и утварь церковную, велѣлъ, а церкви тотчасъ на mosqueи обернулъ, и Башу тамъ новаго, съ титуломъ сея Кандіи, осадилъ. А сказываютъ, что надъ лимоны съ Банеи не машъ (не найдешь) нигдѣ лучшихъ во всей Турец-

кой державѣ, а надѣлавши того сорбету ховають изъ году въ годъ въ сосудахъ глиняныхъ поливныхъ; а съ того сорбету, взявши ложку одну въ чарку, растворить ево водою, и учинитца смакъ вельми вкусенъ и благовоненъ; а тотъ сокъ, въ собѣ есть прегусть, подобіемъ акирмесу; а когда ево растворить водою, покажется какъ вино наилучшее; чарки, которые для Цесаря растворяють, одиѣ хрустальныя, другіе бурштановыя (янтарныя), иные стекла хрустальнаго, иные золотыя, а всѣ дорогими вельми каменьями осажены.

Выходить того сорбету на всякъ день много, понеже его не только Башамъ дають, сколько надобно, но и инымъ всѣмъ начальникомъ и всѣмъ дворовымъ, которые въ Шараю живутъ, а убогимъ и работникомъ уксомомъ растворяють сорбетъ. По правой рукѣ тое обтеки есть четыре великія палаты, въ которыхъ полно зелья въ аптеку надобнаго, а то зовутъ дроге исаміи сирѣчь дорогими вещами. А по лѣвой рукѣ тое аптеки, четыре тожь великія палаты, въ которыхъ всякія водки дѣлають.

Тамъ же въ Шараю, гдѣ самъ Цесарь живетъ, есть двѣ мечети: одна подлѣ тыхъ палатъ, гдѣ живутъ мушны, а другая, гдѣ женщины живутъ, а понеже имъ колоколовъ имѣть не годитца, то на тѣхъ двоихъ божницахъ, имѣють часы, по которыхъ познають время молитвы, а когда что въ тѣхъ часахъ испортитца, то починяють спальники, понеже они тому научены; а въ спальной самаго Цесаря, есть часы текущыя, искусно здѣланы, великія и малыя, и такія, что чрезъ цѣлыя сутки текутъ, а въ ночи познаеть по примѣтамъ, которой часъ; при тыхъ же часахъ есть четверти и полчасья также текучи, а не надобно ихъ переворочать, понеже искусно такъ здѣланы, что сами переворачаютца.

ГЛАВА XII.

О столѣ и поварѣ Цесарской.

Столъ на которомъ Цесарь Турецкїи ѣсть, весь серебряный круглый на два перста толстый, а ставятъ его на ножкахъ четверогранныхъ, также серебряныхъ вельми низкихъ, чтобъ ему сѣдя на тюфяку, можно достать ѣсть, а часто садится на трехъ возглавкахъ, или на одномъ толстомъ; тотъ столъ кругомъ накроютъ товарнями, сирѣчь полотенцами дорогими, кругомъ, а въ середки голо, скатерти нѣтъ, а чтобъ далеко не достовалъ, которая ему полюбитце ѣства, то столъ рушить, которой поворачуетце кругомъ, а когда ѣсть, то тамъ никому не годитце приступить и стола доткнутце, покамѣсть наѣстце; а въ праздники годовые, которые два раза въ годъ бываютъ, ѣсть на столѣ золотомъ, дорогими каменными саженомъ, также робленъ, что серебряной, а оборочаетце тожь кругомъ. Ёсть на столѣ даютъ на блюдахъ глиняныхъ, а ѣствъ всегда на обѣдъ и на вечерю строятъ тридцать, а пересмотрѣвши всея ѣствы, одну себѣ избереть, а иные двадцать девять посылаетъ своимъ женамъ, съ которыми живетъ, а иногда велитъ роздать своимъ шутомъ глухомъ и карломъ; хлѣбъ про его пекутъ съ муки дважды ситомъ густымъ пересѣяной, и то зъ собной пшеницы, особно сѣяной, которая родитце въ Натолїи близъ города Буркїи (Бурсїи), а та пшеница живетъ вельми бѣла, а пекутъ съ муки гораздо пересѣяной про его, на всякъ день булокъ двадцать. А всякая вѣсомъ по четыре фунта, а рошчяютъ (а мѣсятъ) тотъ хлѣбъ молокомъ козьимъ, и на то нарочно ховаютъ козы въ рошчи, на то запущенной, также въ Шараю, а кормятъ ихъ довольно, а того хлѣба не даютъ никому, только тымъ къ ко-

торымъ онъ милостивъ, а наипаче Везирю великому, лѣбарю, и спальникомъ вѣрнымъ, которыхъ зовуть Агаллары.

Поварень въ Шараи есть девять; шесть, на которыхъ про всякаго чину людей строятъ кушанье, а три, на которыхъ про самаго Цесаря, всегда имѣютъ готово мясо вареное и печеное, со всякими присмаками (приправами), дабы на-скорѣ дано, когда прикажетъ, въ день или въ ночи, будучи у своихъ султанъ, серѣчь женъ, чтобъ ихъ употчевалъ, а оприченъ всякая султана имѣеть свою собенную поварню. А тамъ про себя и про дѣтей, которыхъ имѣеть съ Цесаремъ, велить строить ѣству, какъ ей годно, а про тѣхъ султанъ должны, на то приставленные закупщики на всякъ день дать на ихъ расходы, сто барановъ, осемь сотъ курей, двѣсти всякихъ птицъ, а мяса тамъ коровья или воловаго для женщинъ не даютъ.

Служащихъ, которые Цесарю ѣсть носятъ до покоевъ, есть сто пятьдесятъ, а зовутъ ихъ Салянги леръ, а у дверей остатняго покою отбираютъ спальники, и ставятъ на столъ Цесарскій, преже неже сядеть.

Всѣхъ, которые хлѣбъ Цесарскій ѣдятъ, всякаго чину людей, въ Шараю тринадцать тысящей четыреста. А не машъ тамъ всѣхъ женщинъ и съ служебницами ихъ, только осемьсотъ, а евнуховъ осемь же сотъ. А есть больши, нежели двѣ тысящи особно людей, которые куры кормятъ и каплуны и курчата на поварню Цесарскую; иные съ нихъ покупаютъ куры, и иные кормятъ и досматриваютъ, и иные оправливаютъ и рѣжутъ, иные зъ деревень приносятъ на ослахъ и на себѣ.

ГЛАВА XIII.

О стайни (конюшнѣ) и огородахъ за городомъ.

По правой рукѣ Шараю, за стѣпою надъ берегомъ морскимъ стоятъ стайни (конюшни) Цесарскіе, на добрыхъ полѣхъ трети версты въ длину, а съ тѣхъ однѣ отъ стѣны Шараю блиско построены, въ которыхъ стоятъ кони ѣздные, что наилучшіе, а другіе отъ воды, противъ нихъ, тамъ въ середкѣ подворье продолговатое; въѣздъ къ тымъ конюшнямъ отъ полунощи, а ворота изрядные, а въ срединѣ до Шараю есть отъ стаенъ переходъ замчистый, и туды коня Цесарю ведутъ, когда ѣдетъ гулять. А въ концѣ тѣхъ стаенъ зъ стѣны Шараю самага повыше, покойни или жилье, а тамъ живутъ спальники Цесарскіе, и оттуль имъ видно на море, а про межъ тѣма есть четыре покойни Цесарскихъ, вельми изрядные, съ которыхъ онъ смотритъ на море, тѣ покойни зовутъ по Турецку Хиостры, сирѣчь влѣтки. А тѣ то покойки или чердаки, при Амуратѣ Султанѣ, построилъ Синанъ Баша, аще и въ инѣхъ мѣстехъ многою казною, обаче тамъ есть одинъ чердачекъ, который сталъ сто пятьдесятъ тысячъ червонныхъ золотыхъ: иншіе стайни въ которыхъ держатъ лошади на войну, стоятъ за городомъ надъ морскимъ берегомъ, а тѣхъ стаенъ двѣнадцать, а во всякой большы двохъ тысячъ коней; стоятъ тѣ стайни отъ Царяграда за 17 верстъ, работниковъ, что въ тѣхъ стайняхъ служатъ, есть три тысячи, а зовутъ ихъ Азнавъ Гуляръ, а по всякой стайни собенный конюшный.

Около тѣхъ стаенъ надъ моремъ, въ городъ идучи, есть огороды Цесарскіе, такожь и по другую сторону города надъ моремъ, вельми изрядные, а всѣхъ тѣхъ огородовъ осемнадцать, окромя тыхъ огородовъ, что въ Шараю, а стѣною

каменной всё обведены, всякой особно, а во всякомъ чердачки и иные прохладны. А есть всёхъ тыхъ, что огородами вѣдаютъ, и въ нихъ безперечь работаютъ, три тысячи человекъ, а зовутъ ихъ, по своему Бустанъ-гилеръ.

ГЛАВА XIV.

О Цекавъзе (цейхгаузѣ) и пушнахъ.

Между иными вещами удивленія достойными въ Царьградѣ есть Цекавъзъ или арсеналъ Цесарскій, сирѣчь пушечный дворъ, въ которомъ, такъ на морѣ, яко и на землѣ пушки, и всякое оружіе спѣютъ. А тамъ есть удивленію великому вещь достойна, сто въ семьдесятъ сдѣлано кровель, подобіемъ башень или Шараевъ высоко надъ берегомъ морскимъ, подъ которые подходятъ галеры зъ моря въ цекавъзъ; а тѣ шараи есть такъ высоки и широки, что подъ всякою помѣститце три галеры; тутъ разсудить, каковыя тѣ палаты, подъ которыхъ кровлею галеры и иные судна морскіе всегда ховають, въ срединѣ самага цекавъзу. А тутъ же и лазня (баня), ради узниковъ, а не бываетъ тамо ихъ меньше четырехъ тысячей, которые мастеромъ робить и бремена носить пособляютъ. А тѣжъ ходять работать и въ шарай, переходами тайными, а тѣ на галерахъ не работаютъ, понеже тамъ есть иные узники, при городѣ у пристани и на мори; а живетъ ихъ больши тритцати тысячей. А при Амуратѣ Султанѣ было ихъ тритцать двѣ тысячи, только на галерахъ кромѣ арсеналу.

Мастерскихъ тамъ людей, капирановъ (капитановъ) или приставовъ надъ ними, также инъгенеровъ (инженеровъ), мастеровъ всякихъ мастерствъ, одверныхъ или ключниковъ отъ всякихъ каморъ и анбаровъ, также воинскихъ людей,

что караулять всѣхъ, есть тридцать шесть тысячъ; а тѣ всѣ жалованья берутъ съ казны, по всякъ мѣсяцъ, всякъ противъ своего чину, а всѣ тѣ или большая часть Христіанъ потурченыхъ или ихъ дѣти.

Особъ есть четырнадцать тысячъ мастеровъ, которые ручное оружье дѣлаютъ въ Шарай безперечь, и должны чистить въ палатахъ по вся недѣли оружье, дабы не увидѣлъ тамъ Цесарь нечистаго; а тыхъ мастеровъ зовутъ Говен, а тѣ на войну съ Цесаремъ идутъ.

Другіе есть Туффекчи, сирѣчь стрѣльцы съ ручницами, и тѣ на войну съ Цесаремъ идутъ же; жалованье берутъ съ казны, и есть ихъ осемь тысячъ всихъ.

Послѣ ихъ есть топечи или пушкари, осемь тысячъ ихъ всѣхъ, съ которыхъ большая половина мастеровъ, что пушки дѣлаютъ, по той сторонѣ Галаты въ одномъ дворѣ великомъ каменномъ, названномъ Тофана (Топъ-хана). А тамъ нещетное множество на дворѣ пушекъ, а наибольше христіанскихъ, по различнымъ царствамъ побраныхъ, а то знать зъ ихъ гербовъ и написовъ. Янчарове, которыхъ есть всегда тридцать шесть тысячъ, у двохъ дворахъ учатце, всякаго оружья робить, чтобъ не лежали дармо, и не купили себѣ оружья, когда скажутъ на войну, но чтобъ въ покою сѣдя, загодя приспѣвали. Есть тамъ двѣ тысячи одверныхъ въ Шараю, которыхъ зовутъ каличи, которые на войну съ Цесаремъ ходять, и ихъ должность есть казнити, когда Ве-зирь кого осудитъ на смерть, а ката (палача) тамъ опричнаго нѣтъ, но понеже и онѣ почитаютце быть знаками (юнаками) сирѣчь воинами Цесарскими, того ради, дабы тымъ сами не мазались кровопролитіемъ, держать на то собено онѣ сами людей убожшихъ, чтобъ за ние повинность чинили. А если, котораго именитаго человекъ или Башу якаго въ Царьградѣ или индѣ гдѣ казнитъ, то онѣ сами мусятъ (должны) свою должность исполнять, понеже именуютце «исполнили сира-ведливость» и когда Воеводу якаго или Башу или иного

кого з начальныхъ чину вонъ осудятъ, за какову нибудь вину, то онѣ ходятъ гнѣвъ Цесаря имъ сказывать, а наипаче когда Везиря Цесарь хочеть перемѣнить, то его позовутъ предъ Цесаря въ палату, а одинъ съ тѣхъ пришовши къ нему, возьметъ у него печать Цесарскую з руки, и закрываетъ ему баволицею (хлопчатою бумагою) половина лица, махнетъ на него рукою, понеже предъ Цесаремъ говорить ни кому не вольно, и велить ему, дабы вышелъ съ палаты Цесарской за двери, и уже отчужденъ отъ чести своей.

Есть еще коморниковъ Цесарскихъ двѣ тысячи, которыхъ зовутъ соллахъ, тые ходятъ около Цесаря, носятъ лукъ его и стрѣлы, а сами луки робятъ и зъ луками на войну ѣздятъ.

Ч а у с о в ъ (Чаушей) есть всегда въ Царьградѣ четыре тысячи, сирѣчь посланцевъ, которыхъ посылають до оныхъ властелиновъ и начальниковъ въ Царствѣ Турецкомъ, которые городами вѣдаютъ, а съ тыхъ есть всякой мастерскому искусенъ какому нибудь дѣлу, а наипаче онѣ полатки на войну спѣють; всегда онѣ по своему чину становятце, предъ дверьми третьей стѣны Шараю, ожидаючи котораго куда послиють, а та ихъ служба есть корыстна, потому что имъ и тѣ даютъ, къ которымъ онѣ посылаютце, и съ казны даютъ имъ на страву (кушанье), или на дорогу, и они сами отдають Цесарскіе грамоты и всякіе достоинства, которыхъ Цесарь, каковымъ чиномъ пожалуетъ; а когда Цесарь жалуетъ кого воеводствомъ или инымъ какимъ чиномъ, то написавши грамоту, отдаетъ ее своему которому спальнику, а онъ посылаетъ чрезъ чауса (съ вѣстію къ тому) кто пожалованъ, понеже спальники съ Шараю никогда не выходятъ, а онъ пожалованый, даетъ отъ себя чаусу, такожде и спальникъ, которому чаусъ принесетъ деньги за грамоту, и за грамоты берутъ спальники деньги по окладу. И такъ Цесарь своихъ спальниковъ обогащаетъ, чтобы было съ чимъ поѣхать, когда котораго куды пошлетъ.

Есть тамъ четыреста слугъ Цесарскихъ, которыхъ Влохи

зовуть Паля-орениеры диресь петво, а Турки зовутъ Пейхъ, а тѣ по четыре человѣка, идутъ около коня Цесарскаго, когда куды ѣхать изволить; а шапки у нихъ золотые, подобіемъ старозаконныхъ архиереевъ, толькожь не разрѣзанные; тѣ имѣютъ свою повинность, отбираютъ челобитные, которые Цесарю подаютъ. Опрічѣ есть серебряниковъ и збиалеровъ (ювелировъ?) Цесарскихъ пять сотъ, которыхъ зовутъ Гнусхи, сирѣчь, тые, которые знаютъ камень дорогое, всѣ тые въ одномъ дворѣ живутъ, и безперечь робятъ въ Шараи, про самага Цесаря, про его жены и про ихнихъ дворянъ, всѣ жалованье берутъ съ казны, а одинъ надъ ними старшій. И тѣхъ людей, которые дерево з лѣсу возятъ до арсеналу, и что рѣжутъ дерево нилюю, плотниковъ, столяровъ, и бочкаровъ, которые на поварни и на конюшни всякіе посуды дѣлаютъ, также Башомъ, а наипаче Везирю, осемь тысячъ ихъ всѣхъ считаютъ.

Бравцовъ, которыя на весь дворъ работаютъ Цесарскій, двѣ тысячи пятьсотъ, а зовутъ ихъ Пестилеръ, а всѣ онѣ живутъ въ одномъ дворѣ въ концѣ Шараю Цесарскаго, которой клиномъ кончитца, въ море входячи, и на двое раздѣляетъ устремленіе водное; а съ того зовутъ часть одну каналомъ великимъ, а другую — каналомъ малымъ, и когда окруты или галеры или иные какіе купецкіе судна идутъ и чтобъ не разбивались о тотъ рогъ, или клинъ Шараю, то на то есть оставленъ Бустанги Баша, старшын надъ огородниками, которой того бережетъ, и на то имѣетъ людей всегда готовыхъ, которые судна препровождаютъ, кодолами (канатами) большими удерживаютъ, и оттегаютъ назадъ, чтобъ не разбилось, а хозяинъ, котораго по Турецку зовутъ Ралисъ, долженъ дать ему противъ окладу, за которое судно обложено.

А не въ дальнемъ разстояніи отъ того рогу Шараю, на небольшомъ островѣ на морѣ, построена полата каменная круглая, и тутъ море вельми глыбоко, а зовутъ ту полату Хискуляты, сирѣчь жилье дѣвическое, и сказываютъ, что

тое полату построила дочь нѣкотораго Цесаря Греческаго, и жила въ ней до смерти въ дѣвствѣ, и есть въ ней на исподѣ трое жилья, съ которыхъ кругомъ на море видно, а нонѣ тамъ безперечь живутъ по четыре человѣка на караулѣ, и имѣють тамъ три пушки, а въ середкѣ тое полаты выходитъ источникъ воды, вельми чистое и здоровое, а та вода такъ холодна, что ея пить не возможно, покамѣсть въ судна отъ солнца не нагрѣтце. Подлѣ тое воды стоитъ дерево оливное, всегда зеленое, и по всякъ годъ бываетъ на немъ овощъ. А когда Цесарь кого прикажетъ утопить, то его тамъ везуть и связавши руки и ноги, кинуть его съ верху въ моря.

А чтобъ запасъ всегда про Цесарскій дворъ, и про его войско готовъ былъ, во всякой нуждѣ, и на то есть въ Царьградѣ, а наипаче въ Галатѣ всякаго хлѣба анбаровъ до колько сотъ, а тотъ хлѣбъ въ три лѣта перемѣняють, и есть его столько, что войску Цесарскому лѣтъ на сколько довольно будетъ. А что анбары въ Галатѣ стоятъ, и въ тѣхъ только одинъ хлѣбъ пшеной, и за Амурата Цесаря продовано, а тотъ пшено, которые сказывали, лежало осмьдесятъ лѣтъ, а было такъ чисто и цѣло, будто нрошлогоднее, отнюдь ни мало не испортилось, воздухомъ ли благорастворнымъ, или, или инымъ каковымъ промысломъ то чинитце, что хлѣбъ чрезъ такъ долгое время не портитце,—того не вѣмы.

А что пороховъ и всякаго иного припасу воинскаго, много множество имѣють, и не держать близко города на дворѣ пушечномъ, но вдаль отъ города въ Галатѣ, а порохи привозять съ Баиру, которые есть наилутчіе, отгѣляжъ и салътру (селитру) привозять, и имѣють того множество.

ГЛАВА XV.

О денежномъ дворѣ и рудахъ.

Цесарь Турецкій во всемъ своемъ Царствѣ одинъ только денежный дворъ имѣеть въ Царьградѣ, въ самой серодеѣ, и тамъ всякіе мелкіе и большіе серебряные и золотые деньги дѣлають. А не бываетъ тамъ начальниковъ иного народу, только Гречанинъ, и на то имѣють греки грамоты отъ многихъ Цесарей Турецкихъ подтверженые, а то потому, что Цесарь не имѣеть руды серебряной и золотой въ Европѣ, только въ Греческомъ Царствѣ, и коло руды Греки сами работаютъ, понеже Турки не обыкли въ таковыхъ трудѣхъ тяжкихъ работать.

А даетъ з двора денежнаго приставъ или начальникъ откупу на всякъ годъ по двадцати по шести тысячъ червонныхъ золотыхъ, и по триста, а тотъ то начальникъ самъ отъ себя работниковъ наймываетъ, которыхъ всегда бываетъ по чотыреста, а буде бы тотъ откупщикъ провѣдалъ о томъ, хтобы воровски деньги хто дѣлалъ или отрѣзывалъ, то такового по его челобитью, смертію казнятъ, а животы его оцѣня, половину берутъ на Цесаря, а половина откупщику, а откупщикъ долженъ на всякъ мѣсяць перваго дня дать въ казну Цесарскую своего дѣла денегъ десять тысячъ червонныхъ золотыхъ въ Шарай, и отдать Казначею Цесарскому большому, или по нашему Боярину, который расходною казною вѣдаетъ, а двѣ тысячи денегъ серебряныхъ, и тѣми деньгами новыми даютъ всякаго чину въ Шарай людемъ, жалованье.

А чтобъ ему откупщику успѣть на всякой расходъ въ Шарай деньги отпущать, имѣеть онъ вольность выдавать Указъ всемъ иноземцамъ торговымъ людемъ, чтобъ къ нему приносили на денежный дворъ свое деньги, съ которыми для

товаровъ въ Царьградъ приѣдетъ, а деньги берутъ серебряные большіе, а не мелкіе; а имъ платитъ мѣлками Турецкими аспрами; а съ тѣхъ иноземскихъ купленныхъ денегъ дѣлаетъ Турецкіе мелкіе деньги; а хтобъ въ три дни не объявитъ иноземскихъ денегъ, а онъ откупщикъ послѣ провѣдаетъ, и за то у него, который утаилъ деньги, всѣ животы опишутъ на Цесаря. Да тому же откупщику серебро и золото съ горъ Цесарскихъ вѣсомъ даютъ, а онъ съ того дѣлаетъ деньги и въ казну отдаетъ, себѣ съ тѣхъ же денегъ возметъ, что ему доведетце отъ дѣла.

Горы золотые, сирѣчь въ которыхъ руда золотая, въ Греческомъ Царствѣ наилучшіе, въ Македоніи, на горѣ святой названые, близъ города именованнаго Цыдроклпсъ (Сидрокапсъ); другіе горы въ Венгрьхъ, надъ рубежемъ Болгаріи. А въ самой Греціи на трехъ мѣстехъ имѣетъ горы серебряные богатые, а всюду около рудъ серебряныхъ и золотыхъ, работаютъ Греки.

ГЛАВА XVI.

Чимъ Цесарь упражняетце, и какъ выѣздитъ тѣшитце.

Цесарь Турскій, когда ни есть на войнѣ, тогда всегда живетъ въ Шараи большомъ въ Царьградѣ, временемъ тѣшитце въ дому, а временемъ о дѣлахъ большихъ Царственныхъ переговариваетъ, часто выѣдетъ въ поле и прогулянье, дабы народъ вѣдаючи о его пребываніи въ Царьградѣ, возмущеніе не чинилъ, и того ради на кони выѣдетъ, или по морю ѣздитъ и тѣшитце, временемъ малолюдно, да не трудитъ бесполезно своего воинства, временемъ многолюдно и съ великою гордостію, дабы и народъ и иноземцы видѣли его богатство и готовность войскъ.

И когда хочеть смирно ѣхать тѣшитце, то по томъ познають, что выходить съ комнатъ или полатъ своихъ въ той же одеждѣ, въ которой ходилъ дома, не перемѣняя ни завоя и ничего отнюдь отъ одеждъ, и тогда только любимые его спальники за нимъ поѣдутъ и евпухи, капитаны надворные, а нѣшіе предъ нимъ идутъ малые спальники, и ложен; а напередъ идетъ капитанъ справедливости, Турски его зовутъ Сей-баша (Сейт-Паша), а съ нимъ пятьдесятъ воиновъ, которые очищаютъ дорогу Цесарю, и велятъ мечь (улицу) и удержуютъ всѣхъ, чтобъ не заѣхали дороги Цесарю, и призываютъ, чтобъ всѣ кланялись въ землю, когда Цесарь поѣдетъ. И въ такой чести имѣють Бусурмане своего Цесаря, что куда преѣдетъ, то и стопы конскіе, на которомъ самъ сѣде, цѣлуютъ и почитаютъ собѣ за святобливую учинность, иные велятъ себѣ жилы просѣкати на рукахъ, и поднявши руки предъ нимъ, являютъ любовь свою, что готови кровь свою за его честь пролить, когда онъ велитъ, а крови не останавлиютъ пока онъ преѣдетъ; а иные обнажившись до пояса, и ставши на такомъ мѣстѣ высокомъ, чтобы Цесарю видно было, желѣзомъ розженнымъ, по бокамъ и по персямъ, сами себѣ жгутъ, а онъ ихъ за то даритъ чинъ, мѣсто милостыни. А то чинять только люди простыя, а Бояре и иные люди честные, того не дѣлаютъ. Предъ его конемъ ѣдутъ, конюшей капитанъ надъ Чаушами, сирѣчь посланникамъ, капитанъ надъ спальниками малыми, капитанъ надъ одверными, капитанъ надъ каморниками, четыре капитана надъ Янычарами, которыхъ зовутъ Дия басса (дели-баша), а съ башовъ великихъ, сирѣчь бояръ не ѣдетъ ни одинъ, около коня идутъ сорокъ пеховъ, капиговъ, и солаховъ, одоль, а предъ конемъ его самымъ, идетъ осмь человекъ, а зовутъ ихъ калпиги, а по сторонамъ подлѣ коня, идетъ осмь человекъ такъ великихъ, что не малъ ровняютце по рамена Цесарю, на коню сидячему, а зовутъ ихъ соллахи, и на то нарочно ищутъ во всемъ Царствѣ его людей великихъ и дюжихъ, и тѣ

отбирають челобитные отъ народа, хто въ то время подаетъ, а два такихъ же солаховъ, несутъ въ золотыхъ оляшкахъ, каменьями дорогими обложенныхъ, водки избранные про Цесаря, чтобъ онъ когда откуль почуветь смрадъ какой, закропнлсе тѣми водками, а тѣ фляшки всякъ по одной, въ мѣшкахъ золотомъ шитыхъ и жемчугомъ вельми дорогихъ.

Иные всѣ, которые около Цесаря идутъ въ золотыхъ шапкахъ, несутъ въ рукахъ лукъ и стрѣлы, а послѣ ихъ на концѣ, идутъ карлы, шуты, евнухи и малые хлопцы. Всѣхъ людей, которые съ Цесаремъ выходятъ, когда смирно идетъ на прогулянье, бываетъ триста человѣкъ. А когда ѣдетъ на море, имѣеть окрентъ, на то собенный, Буцентаврусъ названный. Вызолоченъ весь и дѣломъ искуснымъ свицерскимъ здѣланъ, по шестнадцати лавокъ по сторонамъ, на тѣхъ сидятъ невольники, которые гребутъ опоцнями (веслами), по три человѣка ко всякой, а на тѣхъ невольникахъ шапки красныя и рубашки тожъ, подобіемъ маринаровъ, а шаровары имѣютъ бѣлыя, тѣми невольниками вѣдаеть огородникъ, старшій, именованный бустанги-баша, и тотъ бустанги-баша самъ на тотъ часъ стоитъ на кормѣ, когда Цесарь по морю ѣздитъ, а той у Цесаря за плечьми; а онъ сѣдитъ на мѣстѣ нарочно сдѣланномъ, и тогда съ Цесаремъ разговариваючи, много себѣ и инымъ упрашиваетъ, понеже тамъ только двое ихъ, назадъ окренту бывають; а надъ мѣстомъ здѣлана кровля, и выбита коврами шелковыми, золотомъ теанами, вельми дорогими, и тюфяки на нискихъ лавкахъ посланы, златоглавомъ покрыто, на которыхъ Цесарь сѣдитъ или лежитъ, какъ ему покажетце. И того ради, тотъ бустанга-баша въ чести великой у Турковъ, потому что, чрезъ него много у Цесаря упрашиваютъ.

А на другомъ концу того окрента напереди, стоятъ его любимыя спальники, которые съ нимъ всегда ѣздитъ на прогулянье, когда и на конѣ проѣдетъ за городъ, предъ окрентомъ Цесарскимъ какъ изъ лука стрѣлить, четыре чайки

великихъ, которые велятъ на сторону, суднамъ великимъ и малымъ, чтобъ съ Цесаремъ не встрѣчались.

А когда Цесарь, гдѣ со многолюдствомъ на погулянь, дабы иноземцы видѣли и подданные знали, и почитали со страхомъ, яко Царя, то велитъ приказать своимъ всѣмъ дворовымъ, постройте богато, самъ уберетца въ дорогіе одежды, и ѣдетъ изъ Шараю чрезъ весь градъ къ воротамъ Адрианопольскимъ, а тѣми ворота выѣхавши, ѣде въ палату, въ огородѣ построенную, за три версты отъ Царьграда; а тамъ всякіе имѣетъ утѣхи, и забавитца тамъ весь день, а иногда и ночуетъ. Передъ нимъ ѣдетъ пятнадцать тысячъ воиновъ избранныхъ съ различнымъ оружіемъ, вельми стройно, а иногда передъ нимъ ѣдетъ сто пятьдесятъ тысячъ, кромѣ Янычаръ и пѣхоты и иное, и бываетъ ихъ многое множество, а всѣмъ имъ приказываютъ въ вечеръ, чтобъ по утру предъ Сарай сходились Цесаря самага, а наипаче такъ многолюдно выѣздили Амуратъ Султанъ, когда готовился на войну противъ Персовъ, обаче и утѣснилъ въ той войнѣ Персовъ, и побралъ много Князствъ и городовъ славныхъ Перскихъ.

ГЛАВА XVII.

О упражненіи Цесаря въ Шараю.

Цесарь Турецкій, когда рано встанетъ, а встаетъ всегда на восходѣ солнца, понеже та пора приказана отъ Махомета на молитву, полчаса молитце, а полчаса пища и заразъ ему приносятъ ѣсть конфекты, перники и иные соки. Послѣ въ книгохранительницы часъ читаетъ, а вышовши съ библиотеки, сирѣчь книгохранительницы, слушаетъ судей, которые судили на Дыванѣ, а когда Дыванъ не бываетъ, то са-

маго только везиря о дѣлахъ докладываетъ, слушаетъ понеже везирь всякіе по всѣмъ Царствѣмъ дѣла вѣдаетъ, а отслушавши прохажаетце по огородахъ и тѣшитце съ карлами и шутами своими, покамѣсть приспѣетъ время обѣда.

А когда велить давать ѣсть (и ничего не говоря) умываетце съ наливки золотое, дорогими каменьями осаженое, которая всегда стоитъ полна воды, съ различнымъ благоуханіемъ, понеже по закону Махометову, часто умываетце, а садитце ѣсть самъ только одинъ, и сидитъ больше получаса; ѣства вся такъ приварена, что и безъ ножа можетъ ѣсть, а не пьеть, только разъ, послѣ обѣда, и выпьеть чашу въ полъ кварты сорбету. Наѣвшысе, идетъ молитце, понеже Турки и въ полдни, а не только рано и въ вечеръ молятца, а на молитвѣ полчаса стоитъ, а послѣ идетъ въ палаты женскіе, или въ огороды ихъ прохаживатце, а когда хоче пойтить къ нимъ, то прежде после мурина скопца, къ старой женщинѣ, которая вѣдаетъ всѣми, даючи вѣсть, что самъ идетъ, а зовутъ бабу тую хіахадонъ, а мурины или арапы стоятъ всегда на караулѣ предъ тымъ Шараемъ, гдѣ живутъ жены его, а та старая баба всѣмъ вѣсть подаетъ, что Цесарь хочетъ быть, и прикаже имъ всѣмъ стройно учинитце, а построившысе, всѣ соберутце въ одну большую палату, чрезъ которую поиде Цесарь; а тамъ, иные будутъ шить, иные шелковые рукавички дѣлать, иные травы дѣлають шолковъ всякихъ, иные играютъ на различныхъ играхъ, иные поють, покамѣсть Цесарь прійдетъ, а когда увидѣтъ, что идетъ, все нокинуть и стануть у два ряда чрезъ палату, и когда входитъ, всѣ ему кланяютце низко, а старшая выходитъ за двери полаты свое, и когда приходитъ, поклонитце ему низко, и ведутъ его въ полату, гдѣ дѣвицы собраны, а онѣ всѣ вдругъ поклонясе Цесарю (а стоятъ одна отъ другой одалъ), послѣ идутъ кланятце ему по двѣ, и стануть по прежнему, а онъ прохажаетца промежъ ихъ и присматрѣетце имъ, и пройде разы два или три, присматрѣяся, которая ему полюбитце, и когда изберетъ себѣ кото-

рую, то на тую кипеть платъ свой, который онъ на то въ рукъ держитъ, а она принявши платъ, поклонитце, и поцѣловавши платъ, повѣситъ его на шыи своей, и то уже призначаетъ, что ея въ ту ночь возметъ къ себѣ на постелю свою. А Цесарь тотъ часъ отходитъ въ палаты свои, а старшая проводитъ его до дверей, подлѣ которыхъ стоятъ арапы. Цесарь оттолъ идетъ въ книгохранительницу и прочитаетъ малое время или прохажаетце по огородамъ, или шутами и глухими забавляетце, покамѣсть прійде время молитвы вечерней, а послѣ того вечеряетъ, и сѣдитъ при вечери два часа; послѣ вечери говоритъ молитвы свои, которыхъ никогда не оставляетъ и идетъ спать.

ГЛАВА XVIII.

О женахъ и иныхъ женска полу въ Шарахъ.

Цесари Турецкіе не усматриваютъ того, чтобы жены братья породы Царской, какъ прочіе Монархи, и обираютъ себѣ невольницъ, которые имъ полюбитце, понеже много женъ имѣеть, и того не смотря какое породы, вѣры или языка, а только смотряетъ, чтобы была красна лицомъ и благообразна, понеже за наибольшее себѣ почитаютъ щастіе телесность (плотоугодіе), которую имъ не вмѣнилъ за грѣхъ нечистой ихъ пророкъ Махометь.

А того ради, покупаютъ и на войнахъ берутъ, а у подданныхъ своихъ насильно отнимаютъ дѣвицы, што ни лучшіе Цесарю (и нонѣшнихъ недавнихъ временъ, когда Банею городъ въ Критѣ турки осѣли, баша, выбравши что ни лучшихъ сто дѣвицъ, пославъ за даръ Цесарю. Изъ тыхъ послѣднѣйшія, будутъ служебными, у Цесаревыхъ солтанъ, а иные по разсужденіи старшее, которые ей повидетце достойны ложа

Цесарскаго, будутъ хованы въ Шараю Цесарскомъ, которыхъ онъ самъ всѣхъ, прежь осмотритъ, а когда какъ въ прежней главѣ описано, изберетъ себѣ Цесарь пришедши въ жилие дѣвиць, которую съ нихъ и хустку на нее кинетъ, выходитъ въ свое жилие собенное, оттеля всѣ иные дѣвицы, идутъ ее цѣловать, которую себѣ Цесарь избралъ, а наипаче товарки ее съ которыми любезно жила, и здравствуютъ ей такого щастья, что сподобилась достойна быть ложа Цесарскаго, и просятъ ее, чтобы ихъ не забывала, и была къ нимъ милостива, когда будетъ жоною Цесарскою. Приходитъ, Цесаря проводивши, старшая къ той то дѣвице, которую себѣ Цесарь излюбилъ, и великою честію ведетъ ее въ баню; а тамъ вода со всякимъ благовоиємъ устроена, въ которой она мыетце, а когда выйдетъ съ бани, даютъ ей платье, тожъ благопріятными запахами накраплено, и учатъ ее, какъ поступать, когда къ Цесарю приде, сказываючи ей, что въ великой чести будетъ, когда ея Цесарь улюбитъ; послѣ поставляютъ предъ нею вечерю, не такъ какъ преже бывала, но честію Царскою, и изобиліемъ многимъ. А когда Цесарь иде спать, ведутъ ее въ палату къ нему со свѣчами, въ томъ же Шараю, гдѣ живутъ женскаго полу, дѣвицы и жены его, и тутъ у него сорокъ собенныхъ палатъ или покоевъ. А тамъ ему не служатъ мушны, только женскій полъ, а приведши ее въ спальню, сама старшая раздѣваетъ ее, а когда ляжить на ложи, вѣстно чинятъ Цесарю, а онъ тожъ раздѣваетце въ собенной каморѣ, а какъ войдетъ въ спальню, старшая поклоняся ему, отходитъ, и оставляетъ тамъ три бабы. А съ тѣхъ одна стоитъ за дверьми первыми во всю ночь, не ступя съ мѣста никуда (а въ передней предъ спальнею, во всѣхъ углахъ, на серебряныхъ великихъ шанданахъ, горятъ свѣчи большіе, во всю ночь), другая баба стоитъ по срединѣ передней, а третья, предъ спальнею близко; а тѣ три бабы, стоятъ по три часа; послѣ, и иные приходятъ, стоятъ по трижъ часа, слушаютъ, не спросить-ли чего Цесарь; а когда Цесарь встанетъ и идетъ

въ собенную камору убиратце, она лезитъ на постели, пока-мѣсть старшая придеть съ служебными, и поведуть ее въ иное жилье, а не тамъ гдѣ преже жила и уже ее зовуть Солтана. И въ тотъ часъ напишуть ее въ книги казенные, и имѣть на расходъ съ казны, по всякъ годъ три тысячи двѣсти шестьдесятъ четыре червонныхъ золотыхъ, и придадутъ служебницъ четыре: двѣ собенно, что ворять кушанье и арапа одного скопца, а отъ Цесаря тогожь времени, когда оденетце, въ мешечку золотомъ, принесутъ къ ней три тысячи червонныхъ золотыхъ.

А буде полюбитце Цесарю, и возметъ себѣ на другую ночь, то напишуть въ казнѣ, вдвое того денегъ на ее расходъ, и придадутъ еще четыре служебницы, и другаго Арапа; а въ мешечку, какъ и преже того принесутъ три тысячи червонныхъ; а уже оттоль зовутъ ее Царицею; а буде и третью ночь, возметъ къ себѣ Цесарь, то пошлетъ къ ней корону, каменіемъ многоцѣннымъ высаженую, и уже имѣть будетъ служебныхъ много, и всякое довольство, а съ казны выдають въ годъ по двадцати тысячъ червонныхъ золотыхъ, и мѣсто построютъ, чтобъ на немъ сидѣла, какъ жена Цесарская. И такіе жоны Цесарскіе, много даютъ чародѣемъ чтобъ ихъ Цесарь любилъ, а чародѣеве учатъ ихъ, какъ поступать, чтобъ Цесарю любимыми были, и какъ его очаровать, чтобъ больше той денегъ давалъ, а збогатясе, идетъ за котораго Башу замужь.

А такихъ его жонъ, которыхъ имѣть много, когда ему, которая родить сына, присылаеть къ ней Цесарь пять тысячъ червонныхъ золотыхъ, въ золотомъ мешечку, и годоваго окладу прибавить сколько ему покажетце; и придаетъ мамку, сирѣчь кормилицу; а буде дочь родить, не прибавляетъ годоваго окладу, только даетъ мамку, да три тысячи червонныхъ золотыхъ пришлетъ; обаче, онѣ лутче радуютце, когда родятъ дочери, нежели сыну, понеже, когда Цесарь умретъ, то сынъ большой, ставши Цесаремъ, ниѣхъ всѣхъ братію

свою, велить подавить, а дочери Царскіе, идутъ замужъ за Башовъ, и матки ихъ таковъ, которыхъ Турки вельми почитаютъ, хотя изъ Шараю выйдутъ. А въ тому дочери Цесарскіе живутъ при маткахъ, а сыномъ, когда минетъ шесть лѣтъ, берутъ ихъ отъ матокъ и держатъ особно, съ учителями; матки ихъ не видають, только четыре раза въ годъ; дочери свое, выдаетъ Цесаръ во оснадцатомъ году, а приданого даетъ всякой, осемъ кротъ сто тысячъ (800,000) червонныхъ золотыхъ; окромъ того, укажетъ, по ее смерть, всякой пятьдесятъ тысячъ червонныхъ золотыхъ съ казны, по всякъ годъ, и приходятъ временемъ посѣщать отца, а когда отецъ умретъ, а братъ Царство приметъ, то и къ брату приходятъ посѣщать его, а онъ всегда даритъ, чѣмъ ему покажетце.

ГЛАВА XIX.

О милостыни и набожности его Басурманской.

По всякъ день, когда вставши Цесаръ идетъ молитце, выдаетъ деньги по земли въ тѣхъ палатахъ, чрезъ которые идетъ въ mosqueю, сирѣчь божницу молитце, дабы кто найде имѣлъ отъ него, вмѣсто милостыни, а наипаче по пятницамъ посылаетъ милостыню съ Шараю нищимъ и попомъ своимъ, и хто ему любъ спальниковъ, даритъ чѣмъ нибудь, а иногда выкупаетъ изъ тюрьмы своими деньгами за долгъ посаженныхъ, а наипаче въ празники годовые, и по тюрьмамъ милостыню посылаетъ, и муфтему, которой у нихъ наибольшіи между попами дары даетъ богатые, такожде учителю своему, которой его молодаго училъ, а зовутъ его одіа и Емиръ Фенду (Ефенди), сирѣчь намѣстнику, о которомъ сказываютъ, что идетъ отъ Махмета, и того ради носить на головѣ завой и шаты или платье зеленое, въ какихъ ни кому ниго-

дитце ходить у Турковъ. Обаче въ Государствѣ Турецкомъ, по инымъ городомъ, много такихъ есть, что ходять въ зеленомъ, а наипаче въ Аравіи и въ Египтѣ; а тѣ всѣ сказываютце, что идутъ отъ рода Махометова, а надо всѣми тыми старшии тотъ Емиръ Ефенди, а прочихъ, которые ходять въ зеленомъ, зовутъ сантонами, сирѣчь святыми; а всякъ носить четки долги въ рукахъ, будто молитце по нихъ; а всегда ходять босо, и почитаютъ ихъ, яко святыхъ, а онѣ самы безчинники. А между тѣми то сантонами больши есть слѣпыхъ, а то потому, что имъ выпаляютъ очи, когда къ Мехе (Меккѣ) молитце (ходять) гробу Махометову, чтобъ слѣпыи будучи Махомета ради, не смотрели на прелесть мирскую, и не прельщались тлѣннымъ имѣніемъ, но все оставивши, жили милостынею. Се, и дьяволъ имать своихъ мучениковъ и иноковъ, будто подражая церкви Божіей, въ которой Бога ради, всё оставляютъ люди богоугодные; а тѣ то сантоны, живутъ весь вѣкъ свой милостынею, и вѣрятъ имъ во всемъ Турки, какъ святымъ будто людямъ; а когда за кимъ свѣтъчитъ тотъ сантонъ, паче же шайтанъ, то уже тотъ не потеряетъ дѣла, понеже свидѣтельство его, паче тридцати мірскихъ достовѣрнѣйше есть, и аще бы всѣмъ извѣстно было, что онъ не право свидѣествовалъ, то оставить невозможно отнюдь. И того ради многіе ихъ за свидѣтелей приводятъ, понеже противъ его судья востать не можетъ, по закону Махометову, а когда съ тѣхъ, который здохнетъ, опрично его въ мечети погребутъ, и во святыхъ его почитаютъ.

Посылаетъ Цесарь часто матцѣ своей дары, которыя въ собенной живетъ палатѣ, а не въ Шараю, понеже, когда умретъ мужъ ее Цесарь, тотчасъ выходитъ съ Шараю; обаче сынъ ее вельми почитаетъ, и вольно ей посѣщать сына и бываетъ въ Шараю, всякаго мѣсяца единожды, посѣщаячи сына, и аще будетъ боленъ, то она живетъ при немъ, пока мѣсть оздороветъ; буде matka занеможетъ, то Цесарь ѣздитъ

въ домъ къ ней посѣщать, а буде умираеть, то ѣдетъ благословеніе отъ нее принять.

Муфты который есть наибольшимъ въ законѣ Махометомъ, въ великой есть чести у Цесаря, а имѣеть приходу на всякъ день пятьсотъ золотыхъ, а держитъ на дворѣ своемъ, много своихъ сродственныхъ, и имѣеть къ тому великіе доходы за разрѣшенье, а наипаче, когда хто распускаетце съ женою, и какъ онъ осудитъ, то уже непременно такъ будетъ а и во всякихъ дѣлахъ мірскихъ, къ нему прибѣгаютъ, не только въ Царьградѣ, но и со всего Царства, мня о немъ, что онъ наисвятѣйшимъ будучи въ законѣ Махометомъ, вправду всякое дѣло разсужаетъ.

А честь ему отъ Цесаря великая, понеже кромѣ его и учителя своего, Цесарь ни предъ кѣмъ отнюдь не встанеть; обаче ни въ равной чести учитель и муетин; понеже муетему Цесарь руку цалуетъ въ годъ дважды и благословеніе отъ него принимаетъ, а учителю только руку подаетъ свою, а цѣловать ее не даетъ. А то дважды въ годъ, въ празники нѣкоторые и своимъ евнухомъ, сирѣчь скопцамъ, даетъ милостыню своею рукою, и всѣмъ своимъ султаномъ, которыхъ вышвыши съ Москеи, въ тые два празника посѣщаетъ и всякой даетъ даръ, по своему изволенію, иной больше, другой меньше. А починаеть дары роздавать отъ той, которая ему перваго сына породила, а зовутъ ее Азо х и х е, сирѣчь Цесарева, и того ради она вольна, и не подобаетъ ее Царю звать невольницею, какъ протчихъ, которые аще и подарены Цесарю отъ кого, обаче невольницами его суть, какъ и тѣ, что за деньги куплены, того ради, что Цесарь, тому хто ихъ ему подаритъ, дары ему такоже посылаетъ и ночитаеть ее за кунленную, которая аще породитъ ему сына, преже иныхъ, то предъ обрѣзаніемъ, ее съ книгъ, промежь невольницъ написанную, вымажутъ, и естъ вольна, и занисуютъ ее Царицею, а то чести ради и вѣдомости всѣмъ, и въ тотъ часъ

прописують на приданое, буде похочеть за кого замужь, пять тысяч червонныхъ золотыхъ, на всякъ годъ до смерти.

ГЛАВА XX.

О Хоробѣ (болѣзни) и смерти Цесаря Турецкаго.

Когда Цесарь занеможеть, то всѣ лекари, сколько ихъ буде у него, сойдутце вмѣсть, и идутъ вдругъ его посѣщать, а буде вельми немуже, то имъ въ палатахъ Цесарскихъ всѣмъ, отведуть собенно всякому жилью, и придаютъ всякому по два человекъ, что имъ служить, а выходить имъ изъ Шараю не вольно, покажѣсть Цесарь обможетце; а буде Цесарь въ той немощи умереть, то уже больши того лѣкаревъ тѣхъ никто не увидитъ, развѣ сами дворяне его, неприязны ему будутъ; церуликовъ тамъ не спрашиваютъ изъ города, потому что спальники его, что надобно сами здѣлають, и онѣ ему кровь пускають сами, банки ставятъ, голятъ, и всякіе язвы лѣчатъ; а лѣкари, хотя бы Цесарь и здоровъ былъ, должность ихъ, по три человекъ, сидѣть въ аптецѣ отъ утра до полудни, ожидючи, не пришлетъ-ли по што Цесарь, а нѣтъ лѣкарей Цесарскихъ больше семи человекъ, а тѣ въ городѣ дома свое имѣють, а въ Шараю ни одинъ не живетъ.

Жоны Цесарскіе, когда, которая умереть, то ни какова надъ ними пѣнія нѣтъ, только вечеромъ занесутъ трупъ и загребуть въ землю; такожде и Цесарь самъ когда умереть, то безовсякаго пѣнія спальники его несутъ въ Мосхею трупъ ночью и закопають въ землѣ; милостыню за его душу, многіе раздають послѣ, а тогоже дня большаго сына его ведутъ въ палаты отца его и здравствуютъ ему щастливаго Царства, и говорятъ ему, чтобъ управлялъ Царство, со многимъ тщаніемъ; о прешлые Цесари, часто гораздо въ вечеръ хаживали

по городу незапно, имѣючи при себѣ здалека карауль предъ собою и за собою и по сторонамъ, чтобъ не въ догадъ никому, а сами присматривались, что въ городѣ дѣлаетце, и что народъ о нихъ говорить, и нѣтъ-ли какихъ зговоровъ или бунтовъ, и такъ ли всё есть, какъ ему начальныя его о подданныхъ докладываютъ, и если добрый порядокъ промежъ подданными; а того доведываетце не знатно, съ простолюдиномъ какимъ въ разговоръ вступивши.

ГЛАВА XXI.

О постановленнѣ новаго Цесаря.

Когда Цесарь Турецкій имѣеть сына, не обрѣзуетъ его, по закѣну МахOMETову, но въ трынадесятомъ году, и чинить тые крестины, чрезъ осемъ дней съ великою радостію, а нанначе, когда сынъ перворожденный, а послѣ посылаетъ его куда воеводу, дабы городами вѣдалъ, и разсуждалъ, а то того ради, что много хочетъ на Царство по себѣ духовною оставить; и то у нихъ крѣпко, аще по обыкновенію большій всегда на Царство восходить, а иныхъ свою братію убиваетъ, а буде большой сынъ умретъ, то тотъ, который подъ нимъ будетъ, вступаетъ на Царство; а провѣдавши о смерти отца своего, о которой ему даютъ вѣсть изъ Шараю, скоро только умретъ), незнатно бѣжить въ Царградъ и ночью чрезъ огороды дверьми тайными входитъ въ Шарай, а боярове, которые его ждали, собравшисе, ведутъ его въ комнату и здравствуютъ ему Царство, а онъ тотчасъ вскорѣ посылаетъ всѣхъ братьевъ своихъ по забивать, и тыхъ, которые въ Шараю, и которые гдѣ на воеводствахъ, а буде похочуть боронитце, войско заразъ противъ нихъ посылаетъ.

А во время Царствованія Баязета втораго, который имѣлъ четырехъ сыновъ, всѣ четверо на Царство тщались и забиватце не дались, еще отцу живу сущу, повоевали промежь себѣ; и поймавши Салимъ трехъ братьевъ своихъ, по позабывалъ, а отца отравою уморивъ, а самъ сильно на Царство вступивъ. Также Солимановы три сыны воевали промежь собою, всякъ хотѣлъ Царемъ быть, еще при животѣ отца своего, и забивши одинъ двухъ а боячыся отца своего, утеклъ былъ до Короля Перскаго, которой его отослалъ ко отцу, понеже ему войною грозилъ, если бы его не выдалъ; а скоро его привезено, заразъ ево велѣлъ удавить, чтобъ царствовалъ по немъ сынъ его меньшей Селимъ второй; потомъ Солтанъ Амуратъ, заставши Цесаремъ, не хотѣлъ забивать братья своей, которыхъ было девять, нарочно задержалъ, осмнадцать часовъ не осуждаючи ихъ на смерть, дабы тѣмъ временемъ поутекали съ Шараю, и не велѣлъ о своемъ приѣздѣ сказывать въ городѣ никому, дабы о томъ съ Муетемъ и учителемъ своимъ подумалъ, которые ему сказали, что не возможно преступить закона Махометова, и почалъ слезно и горько плакати, а послѣ позвавши глуховъ своихъ далъ имъ своею рукою девять платовъ дорогихъ бумажныхъ и показавъ старшему глуху отца своего мертваго, дабы тожь и братья его учинили, какова отца видятъ. А третьяго дня, когда братью повыгубить, великій диванъ судитце бываетъ, на который сходетце всѣ Баши, которые на тотъ часъ въ Царьградѣ будутъ, и иные всѣ начальныя, а Цесарь нововыбранный, въ концу тое палаты, гдѣ онѣ сидятъ въ каморкѣ, съ окошка черезъ рѣшетку смотря на ихъ съ верху, слушаетъ, что которой станетъ говорить, а его не одинъ отъ нихъ не видитъ; а когда уже совѣты или переговоры докончаютъ, идутъ Цесарю всѣ отдавать послушенство и вѣрность Цесарю, по четыре вдругъ къ нему приходя, а ни одинъ съ нихъ ничево не проговорить, только на колѣнахъ ставши, одинъ по другомъ одежду его цѣлуютъ, и иными дверьми тотчасъ

выходить. Послѣ того Цесарь садитце тотчасъ обѣдать одинъ только, а тѣ всѣ начальныя, идутъ въ ту палату, гдѣ сидѣли на диванѣ; и сядутъ за столъ, и тамъ принесутъ ѣствы, а онѣ съ радостію пьютъ и ѣдятъ тамъ недолго, потому что Цесарь наѣвшысе, заразъ на коню стройно убранномъ ѣдетъ чрезъ городъ, являючи себе народу, что уже есть Цесаремъ, и ѣдетъ въ Мосхею, гдѣ его прородители лежатъ, слушаетъ казанья или ученья славнаго, котораго учителя, а той конча ученье, семь разъ благословить Цесаря, дабы щастливо царствовалъ, а народъ весь по всякомъ благословеніи говорятъ: аминь, аминь. Послѣ выходитъ съ мѣста своего муетинъ наибольшей Баламутъ Махометанскій, будто Патріархъ благословить его разъ только и здравствуетъ, а народъ весь крикнетъ: аминь, аминь.

А послѣ того народъ весь въ другой крикнетъ: «да благословить тебѣ Богъ, Цесарь нашъ и Махометь Пророкъ его, да щастливо и долголѣтно царствуеши намъ», а Цесарь тотчасъ выходитъ съ божницы и садитце на коня и ѣдетъ въ Шарай, другою, а не тою, которою улицею пріѣхалъ. Пятаго дня, по поставленіи своемъ, садитце въ окрентъ свой, названный Буцентаврусъ и ѣдетъ моремъ до одного огорода, недалеко пушечнаго двора, а тотъ огородъ зовутъ Ассехеріи, сирѣчь огородъ роскоши, а тамъ всѣвши на коня, ѣдетъ въ полеванье дабы могъ того дня, какого нибудь вѣвря уловить и забить своею рукою, а съ того угадываетъ, что своихъ неприятелей буде побѣждать.

Съ поля вернушесе, ѣдетъ на дворъ пушечный, а тамъ его пріимуетъ Капитанъ Баша, сирѣчь Гетманъ морскій, а тотъ ему скажетъ, чого надобно въ пушечной дворъ, и въ какомъ порядку войско морское, и што съ нимъ дѣла, на которую сторону войну поднять, а когда вернетце въ Шараи, идетъ къ нему Везиръ великій, а тотъ ему вкратцѣ скажетъ обо всемъ, что въ Царствѣ его дѣлаетце, и скажетъ ему, какъ поступать, чтобъ страшень окольнымъ Царствомъ былъ.

А черезъ тѣ пять дней великую казну роздасть, выдаючи промежь народа когда ѣдетъ, и милостыни до богодѣлень, монастырей своихъ и учителей всѣхъ посылаючи. Амурать четвертый по своемъ поставленіи роздалъ больше нежели четыре кротъ сто тысячъ червонныхъ золотыхъ. По пяти дняхъ, посѣщаютъ его сродственные его женскаго полу, и всякій даетъ сребро, золото, платье дорогое, а мужомъ ихъ различные достоинства, а тогда ему отказать негодитце, когда о чомъ кто свойственныхъ ему бьетъ челомъ.

ГЛАВА XXII.

О вѣрѣ Турецкой и законѣ Махометовомъ.

Весь законъ Махометовъ, которой описалъ онъ въ книгѣ одной Алкоранъ званой, на четыре раздѣляется части, отъ четырехъ его учениковъ раздѣлень, которые сказываютъ наилучшими учителями въ его беззаконномъ законѣ были. А зовутъ ихъ науку Дортъ Матгебъ, сирѣчь четыре уставы, или преданія першая Сифей (Шафей), другая Бланесвъ, третья Малехи (Мавехи), четвертая Бамъ были. Въ одной учать нравовъ, въ другой поступковъ набоженства; въ третей, — только само супружество описано; въ четвертой — дѣлъ судныхъ учать.

А о тѣхъ уставахъ промежь себя спорять, и не согласуютъ Басурмане, и другъ друга зовутъ еретиками, и уличаютъ, что тѣ четыре преданія не право толкуютъ, а того ради и вѣрятъ не право, оставивши правое толкованіе Алкорана Махометова.

А наипаче Персы и Срацины не навидятъ Турковъ, того ради, что Персы держатце преданія Галею (Али) зятя Махометова, которой еще за живота Махометова Алкоранъ его

толковалъ, и былъ намѣстникомъ его. А Турки, Татары и Арапы приняли науку двоихъ учениковъ Махометовыхъ, которымъ онъ умираючи весь законъ вручилъ, а Тали въ то время не былъ дома, а зовутъ одного Абувахеръ (Абубекръ), а другого Омиръ (Омиръ), а тѣ не принимаютъ переводу, или толкованія его, и сами свое толкованіе на законъ Махометовъ написали. Персы ихъ уличаютъ, что они несправедливо называютъ наследниками Махометовыми, и что имъ Махометъ не приказывалъ о законѣ своемъ ничего, умираючи.

И еще убо между собою въ чемъ не согласуютъ, обаче всѣ согласно десять заповѣдей Махометовыхъ соблюдаютъ. Первая заповѣдь—часто умыватце; другая— молитце; третья— почитать родителей; четвертая— о супружествѣ; пятая— о обрѣзанію; шестая— о пособіи умершимъ душамъ; седьмая— о войнѣ; осьмая— о милостыни, девятая— о чести божницъ; о исповѣданіи единого Бога.

Первая заповѣдь, приказалъ въ законѣ своемъ Махометъ, дабы ни кто не входилъ въ божницу, и дома не моливсе, не умывшесе, по закону, и обыкность отъ тѣхъ его четырехъ мудрыхъ учениковъ уставлена, которые его Алкоранъ на четыре части раздѣлили, и тѣ преданія написали. И когда кто исходитъ, потребности ради, и онъ долженъ перво руки умыть въ водѣ чистой, омакивая по пульсы, поднимая къ верху, чтобъ вода стекала, четвертый разъ, пополоскавши поднять къ верху, чтобъ вода потекла до локтей; а послѣ помочить руками мокрыми локти только; пятой разъ, помочивши руки въ водѣ, умыть руки объ руку, и утереть ими очи, уста и носъ потягнуть, и помочивши два пальца большихъ, пустить воды въ уши, и умыть съ середины и съ верху; шестое, помочивши руки, доткнутся колѣнъ, перстовъ всѣхъ у ногъ, и пяты, руки омочивши, отретъ рука объ руку, а послѣ утеретце полотенцемъ, а тое умыванье зовутъ своимъ языкомъ абъдесъ (авдесъ); и того ради въ странахъ восточныхъ, идѣже великой зной, всѣ Махометане въ рубаш-

кахъ, съ широкими рукавами ходять, въ делеяхъ, подобіемъ рясь, чтобъ имъ знатно локти омокать; а Турки, которые убораютце въ платьѣ съ застеганьемъ, взяли разрѣшеніе отъ Муѳтаго, чтобъ имъ такъ не умыватце, какъ выше написано, а только умывши руки, локтей и колѣнъ, черезъ сукно, мокрою рукою дотыкатце, а хто бы такъ, по закону Махометову не умывшесе вшолъ въ Мосхею, а тобъ довелось на него подлинно, то за такое преступленіе закона Махометова, чрезъ весь городъ идучи, того то преступника, бьютъ шелепами не щадно, обаче ноне по разсужденіи муѳтаго, за ту вину, правятъ на такомъ деньги, почему онъ укажетъ. А хто въ другое, тожъ не умывшисе, противу закону согрѣшитъ, сирѣчь, пойдевъ Мосхею, и такого посылають на галеру, на урочные года; а будетъ тоже въ третее, преступитъ ту заповѣдь, и такого преступника, живаго сожгутъ, какъ явственнаго еретика и преступника закона Махометова, а буде хто за такое закона преступленіе жалѣючи, пойде посѣтитъ гробъ Махометовъ, оттеля свидѣтельство (принесетъ), что тамъ былъ, то ему не только тотъ грѣхъ, но и всѣ иные отпущены будутъ; а понеже то ихъ такое умыванье есть имъ узаконено, того ради не строятъ тамъ своихъ божницъ, гдѣ бы воды не было. Другое преданіе Махометане имѣють нареченое Гемасъ, сирѣчь чинъ молитвы: когда уметце по закону, долженъ входечи въ божницу, скинуть паучи предъ дверьми, и итти босо, или въ пончохахъ (чулкахъ), а вшовши, ниско со всякимъ смиреніемъ, поклонитце трижды въ землю противъ олтара, и склонивши голову къ земли итти на мѣсто, гдѣ хочеть стоять, а ставши на колѣнахъ, трижды въ землю чоломъ ударить, и землю поцѣловать, послѣ встать и стоечи молитву свою говорить, очи въ небо поднесши; а буде хочеть на колѣнахъ стоять, то очи къ земли опуститъ, и голову преклонитъ, а всякъ долженъ, тайно или потиху молитце, чтобъ иному не мѣшалъ, самъ только и м а н ъ (имамъ) или

попъ ихъ, голосно молитце, а за нимъ по тиху, а буде имана нѣтъ, то одинъ старшій говоритъ въ голосъ, а иные всѣ за нимъ въ голосъ, а при иманѣ голосно всѣмъ отнюдь не годитце, а по всякой молитвѣ семь разъ долженъ всякой поклонясь, землю поцѣловать. Послѣ говорятъ нѣкоторые молитвы на часть Махомета и на прославленіе Алкорана, сирѣчь закона ихъ, а чрезъ все время молитвы, отнюдь негодитце никому ни съ кимъ говорить, а ни кашлянуть, развѣ въ платъ плюнуть, а не на землю, а на землю не годитце.

И прилучаетце въ Царьградѣ, что больши десяти тысячь будутъ людей въ Мосхей, айя Софія, а такъ тихо, будто ни одинаго человѣка тамъ нѣтъ, развѣ которую молитву иманъ въ голосъ говоритъ, а народъ за нимъ; такожь скотинѣ тамъ, а ни песу войти не даютъ, а на то есть сторожа, чтобъ прилучаю песь не вбѣгъ. А когда по молитвахъ выходитъ, хотяжь ихъ тысячами было, одинъ къ другому проговорить не можетъ, развѣ вышовши за двери. Мосхей ихъ всѣ въ срединѣ побѣлены, а нѣтъ никакихъ иконъ по стѣнамъ, ни письма, а къ полудни, гдѣ иманъ стоитъ, когда молитву говоритъ, есть подобіемъ палатки до половины здѣлано, а своды круглыя подъ нимъ, а то въ память тое палатки, въ которой лежитъ Махометь; по лѣвой рукѣ тоѣ палатки стоитъ амбонъ высокин, на который иманъ всходитъ по степенямъ, когда имъ Алкоранъ читаетъ и молитвы, а наипаче по пятницамъ, понеже они мѣсто недѣли, празднуютъ пятницу; а въ углѣ самое божницы, есть мѣсто степенемъ вышное, гдѣ стоятъ пѣвчіе, которые по иманѣ голосно молитвы говорятъ, а читаютъ по вся пятницу алкоранъ, сирѣчь преданіе Махометово, поколько главъ, а буде бы хто задремавъ, слушаючи поученіе, то у нихъ такое безчестіе, что такого уже въ мѣсець не пустятъ, развѣ пойде поклонитце Магометову гробу.

А выходя съ Мосхей долженъ всякъ милостыню дать

нищимъ, подлѣ mosques сидячимъ, преже нежели въ домъ свой поидеть, а долженъ дать со смиреніемъ, не выговаряючи, чего ради не работаешь и прочее, безъ укору, но самымъ только милосердіемъ принужденъ дать. А много такихъ, которые немало имѣють денегъ, а однако просятъ милостыни.

Женскаго полу никогда въ Мосхею, никому входить не годитце, дома молитце, не годитце войти въ ихъ mosque ни единому христіанину, жиду, или иное какое вѣры, кромѣ самыхъ МахOMETановъ, а будетъ бы хто хотѣлъ войти увидѣть, то о томъ надобно доложитце Имана, и дать ему подарокъ добрый, а если хто самъ войдетъ безъ повелѣнія Иманова, то его осудятъ спалить, буде не захочетъ потурчитце.

Долженъ всякъ МахOMETанинъ пять разъ на всякъ день молитце; а буде кому недосужно, то конча (непремѣнно) два раза, рано и вечеръ, а буде за кѣмъ дѣло или служба какая нужная, что ему мало времени вольнаго, то хотя полденные молитвы отговорить, а хто бы чрезъ недѣлю не былъ въ Мосхею, тотъ смертно грѣшитъ, развѣ на такомъ мѣстѣ будетъ, гдѣ Мосхею не было бѣ; разъ въ мѣсяцъ долженъ всякъ поститце, о томъ преданіе въ Алкоранѣ, подъ провлятіемъ.

Третія заповѣдь МахOMETанская Гвалединъ Баяты, сирѣчь отдавать честь родителямъ, и вспомогать ихъ живностью, если будутъ нищи; а буде хто по басурманитце, а отецъ у него и matka Христіаня, а живутъ въ скудости, то долженъ всячески вспомогать ихъ.

Четвертое преданіе реченое Елима хъ, сохраненіе супружества, которое чинитце предъ Иманомъ, сирѣчь попомъ въ Мосхею, и нѣкоторые тамъ надъ обими молитвы говорить, также и за вѣдомостью Кади, сирѣчь судьи, а тотъ ихъ въ свое книги вписуе, а когда разводитце, то вымараетъ, а однако имъ вольно жить съ собою послѣ, буде она отпешши

отъ перваго мужа, не была за другимъ; такожде будетъ бы вышла за другого разведшисе съ первымъ, безъ вѣдомости кади, то бы за то была въ великомъ наказаніи.

Всѣ Махометане имѣють вольность женъ держать, сколько ихъ може прокормить, а понеже у нихъ жонъ наибольше невольницъ или купленыхъ, то скоро съ нимъ дитя приживетъ, тотъ часъ бываетъ вольна; и вписуетъ ее кади въ книги свое.

Пятая заповѣдь обрѣзаніе: всякъ мужескаго полу Турчинъ, обрѣзанъ быть долженъ, тринадцатаго году, на воспоминаніе Исаака сына Авраамоваго, который въ тѣхъ же лѣтѣхъ былъ обрѣзанъ, о которомъ онѣ мнятъ, что отъ его пошли, а есть у нихъ такая обыкность, когда сыновъ своихъ хотятъ обрѣзывать, то за недѣлю предъ тымъ починають потчивать своихъ сродниковъ и сосѣдъ своихъ, до дня того, котораго обрѣжутъ, а берутъ къ тому кумомъ хлопца необрѣзанаго.

Шестая заповѣдь негитилеръ каири, вспомогать или молитце за души умершихъ. Первое молитце за конающаго (умирающаго), съ Алкорана молитвы читаючи, а когда умретъ, омыть его, ногти обрѣзать, вложить на него рубашку новую, и пошить (зашить) своими руками, кадить около его, ноздри бумагою новою бавольною (хлопчатом) заткать, очи смѣжить, уши тожь бумагою заткать, и нести ко гробу, или за тѣломъ итти и землею присыпать, а въ трупѣ или гробѣ ховать негодитце, только такъ въ земли, да исполнять Писаніе: «земля еси и въ землю пойдеши».

Богатые одиначе кладутся въ гробахъ мраморныхъ, насыпавши въ гробъ земли съ известью каменной на исподъ трупа и на верхъ, а за умершимъ идутъ многимъ собраніемъ, и молятце Богу, а скоро придутъ къ дверямъ божницы, поставятъ трупъ и поютъ одну короткую молитву, послѣ несутъ тамъ, гдѣ его хоронять, а тамъ ставши кругомъ ихъ иноки, поютъ покамѣтъ загребуть тѣло землею,

а свойственные сродники скоро засыпавши землю, идутъ въ домъ и пріятелей своихъ кормятъ, а только на томъ обѣдѣ ядятъ сочевицу, да яйца, твердо варенные, имѣютъ тую обыкность отъ жидовъ на память того, что какъ сочевице есть круга и яйца, такъ и свѣтъ тотъ есть круглый, на которомъ человѣкъ кругомъ, теченіе свое совершивши, идетъ починать новый животъ, такъ какъ Курча (цыпленокъ) съ яйца выходитъ, и зерно сочевицы обумерлое, много послѣ листковъ и зернъ сочевицы другое зродитъ.

Есть у нихъ обыкность и милостыню довать нищимъ чрезъ три дни въ дому умершаго, а даютъ хлѣбъ, мясо сырое и прочее, всякъ по силѣ.

Седмое приказаніе Хе а си лярдагусы, сирѣчь, дабы всякъ махOMETANNH готовъ былъ на войну противъ тымъ, которые не приняли закона МахOMETова, а хто за вѣру ихъ умереть тотъ почитанъ будетъ за мученика, а буде хто на вѣру МахOMETову намолитъ Христіанина или жида, или которое нибудь вѣры, то ему на подмогу долженъ дать половину животовъ своихъ, и за щастье то себѣ имѣютъ, хто за такого дочь свою выдастъ; а хто не имѣетъ дочери, а есть богатъ, то ему даетъ невольницу съ приданнымъ добрымъ, чтобъ собѣ въ небѣ блаженство купишь, и есть того много въ Царьградѣ, что вдовы богатые идутъ за своихъ невольниковъ, а велятъ имъ потурчитце, чтобъ то блаженство отъ МахOMETа преданое получили; а чтобъ тымъ больше христіанъ прельстили, постановили Цесари Турецкіе тотъ уставъ, чтобъ подданные махOMETане не давали дочерей своихъ за Турковъ природныхъ, только за Потуркановъ; развѣ не будетъ на тотъ часъ потуркана, то тогда вольно выдать за Турчина; а то подъ виною не малою и казнію.

А тотъ указъ, чтобы былъ крѣпокъ, Солиманъ Цесарь самъ на вернувъ на свою вѣру Басурманскую одного Грека, другаго Римлянина, третьяго жида, четвертаго Лютра, четыре одного дня свои дочери выдалъ за нихъ и далъ имъ прида-

наго много; обаче новѣ не даютъ Потурчаномъ такъ много, развѣ сукнишку какую или лошадь, или денегъ что небольшое, понеже размножилось обаянныхъ, которые безъ всякое нужды, отступаютъ отъ вѣры Христіанскоя.

Осьмое преданіе Садаха, дабы всякъ тщалсе добрые дѣла творити всякимъ образомъ, си есть посѣщаючи больныхъ, освобождаячи узниковъ, утѣшаячи оскорбленныхъ, вспомагаючи нищихъ, и всѣ иные добродѣтели исполняячи, а наипаче, дабы ни единъ день не преминувъ, что не далъ милостыни, елико по силѣ. А когда одинъ нищей, другаго встрѣтитъ, а разговорясь, познаетъ что того дня милостыни ему ни кто не подалъ, то одинъ другому сами даютъ, чтобъ въ томъ заповѣдь МахOMETову исполнить.

Девятая заповѣдь Месхетраты, си есть, чтобъ Мосхеи въ великой чести имѣли и всѣхъ, которые въ ней служатъ, къ божницамъ дороги очищали и украшали, градъ МахOMETовъ тожъ въ чести имѣли, и тѣхъ, которые къ нему ходятъ молитце. Дабы всякъ самъ тщился поклонитце гробу МахOMETову хотя одинъ разъ, чрезъ весь животъ свой, а буде самъ кто, какова ради препятія, не може посѣтитъ, то вмѣсто себя выслать челоуѣка, давши ему, что надобно денегъ на страву (пищу). И того ради съ Царьграда безперечь идутъ караваны (сирѣчь артели или юрты) въ Меху (Мекку), а достатне люди всякъ за себя по многу посылаютъ, своєю казною. А тѣ караваны въ подобное время, со всея державы Турецкіе, на тыя двѣ мѣста, собираютце въ Каиръ и въ Дамашокъ (Дамаскъ), чтобъ всѣ въ одну пору тамъ пришли. А тѣ, что съ Каиру выходятъ, въ мѣсяцъ тамъ поспѣваютъ, а зъ Дамашку въ два мѣсяца. И того ради преже Египетскихъ выходятъ, а ходятъ тамъ караваны изъ Персиды и отъ Короля Теканскаго и Морохицкаго, и многихъ Королевствъ МахOMETанскихъ. Обаче наибольше Цесарь Турецкій выдаетъ казны на то больше нежели миліонъ, си есть больше десяти кротъ сто тысячь червонныхъ золотыхъ. А понеже

тамъ пустынями несчастливыми итти, гдѣ не машъ, а ни рѣки, ни колодезя, никакой воды, и того ради безмѣрною казною въ земли съ тесанаго камня, велѣлъ прудцы по дорогамъ подѣлать, чтобъ въ нихъ вода дождевая съ горъ стекающая держатце могла, ради тыхъ то богомольцовъ.

А понеже тая то каравана, только два раза въ годъ съ Царяградъ выходитъ, а хотять милость показать къ тымъ то путникомъ и вспоможенье въ дорогѣ, наймуетъ Цесарь про ихъ по вся разы десять тысячъ вельблюдовъ, чтобъ на нихъ собѣ живность везли, и которой устанеть, чтобъ на вельблюдѣ сѣдя, опочилъ рядомъ въ четвертой день, понеже ѣхать тамъ негодитце, только пѣшее идутъ.

Десятая заповѣдь названа Ахадутъ, исповѣдать божество со смиреніемъ, что только одинъ есть Богъ, и что семьдесятъ тысячъ было Пророковъ на свѣтѣ, и Махаметъ былъ между ними наибольшій, послѣ его Моисей, а послѣ Спаситель нашъ Христосъ Господь, и что Моисей бесѣдовалъ съ Богомъ, такожъ вѣрять, что Иисусъ Христосъ зачался отъ Дѣвы Маріи презъ (черезъ) Духа Святаго, вѣрять и то, что Махаметъ есть истиннымъ посланникомъ Божиимъ, кому должны исповѣдать, что всякъ Цесарь Турецкій, который идетъ отъ рода Отмановаго, есть истиннымъ образомъ Махометовымъ, и его намѣстникомъ, такъ въ духовныхъ, яко и въ мірскихъ дѣлахъ, и того ради должны всѣ Бога просить за него, чтобъ ему во всемъ щастилось, и должны ему во всемъ повиноватце, и то вѣрять, что умираючіе за его честь всѣ просто, яко мученики идутъ въ небо.

ГЛАВА XXIII.

О посѣщеніи гроба Махометова.

Вспомнянухомъ преже, что всякой Махометанъ долженъ хотя разъ только гробу Махометову поклонитце, а буде самому не возможно, то иного за себя своими деньгами выслать, и того ради множество безчисленное того поганства со всѣхъ сторонъ волочетце, а Короли имѣють то собѣ за великую добродѣтель, когда имъ въ такой дорогѣ, вспоможенье какое дѣлають. Цесарь Турецкій кромѣ того, что тымъ то богомольцомъ наймуеть подводы, въ годъ по десяти тысячъ, но и живность имъ обмышляетъ, чрезъ всѣ мѣста пустыя, аще и не даромъ имъ даетъ, единаче промышляетъ, чтобъ на всякомъ стану было у кого купить и наймуеть Цесарь подрядчиковъ въ Каирѣ и въ Дамашку, чтобъ живность везли за ними, и продавали имъ потому, почему всякую вещь продають дома, а Цесарь за то платитъ имъ опрочокъ, а тѣ то подрядчики на его Царскихъ ѣдутъ подводахъ, а должны ѣхать съ ними къ самой Мосхен, а тамъ когда пріѣдутъ, дають имъ чрезъ осмь дней ѣсть за половину цѣны, какъ въ дорогѣ продавали, а на то у нихъ уговоръ и всякому богомольцу дадутъ по барану на жертву, котораго онъ забивши роздаеть нищимъ.

Хотѣлъ единойды Амуратъ шестой вѣдать, сколько тамъ въ Меше (Меккѣ) чрезъ годъ будетъ богомольцовъ, которыхъ онъ высылаеть, и нащитано больше шести сотъ тысячъ, а въ томъ году хлѣбъ вельми былъ дорогъ, и переходъ былъ небезпечно для войны Перское, на которой самъ Цесарь Амуратъ былъ. А отправка или моленіе ихъ тымъ идетъ чиномъ: на перво посѣщаютъ домъ тотъ, въ которомъ стоитъ гробъ, а въ немъ Махометово одно только ребро ле-

жить, скажутъ Турки, что тотъ то домъ истинный, въ которомъ Авраамъ Патріархъ хотѣлъ сына своего принести въ жертву Богу но не Исаака, какъ въ Библии написано, а другаго, что съ Агари родисе, Измаила, и такъ скажутъ, когда МахOMETъ родившисе въ Меше, почаль напередъ законъ свой во отечествіи своемъ проповѣдать, тогда Ангели перенесли тотъ домъ съ Іерусалиму, и поставили его на томъ мѣстѣ. А тѣ то богомольцы, посѣщаючи тотъ домъ, входятъ онѣми дверьми, а другими выходятъ, и говорятъ одну короткую свою молитву, которую часто говорятъ, а зовутъ ф а т е х а. И такъ входятъ чрезъ три дни; говорятъ на всякъ день долгую молитву въ полдни, которую говорятъ и по вся пятницы въ Мосхен великой, которая присовокуплена Мосхен малой, МахOMETу освященной. Есть въ той Мосхен четыре мѣста, гдѣ должны говорить молитвы, по онѣхъ четырехъ преданіяхъ закона МахOMETова, о чемъ въ прежней главѣ воспоминауто. А всякъ, вшедши въ божницу, идетъ на сзѣ мѣсто, котораго уставу молитвы хочетъ говорить, тамъ на тыхъ мѣсцехъ молитвы отправивши, ищутъ какъ сполькованіе (общеніе) имѣти съ женами того города, имѣючи то себѣ за святость, когда тамъ по себѣ плодъ оставить; такожь, хто бы заѣхалъ тамъ съ женою, имѣлъ то себѣ за щастье, когда бы ему жена тамъ зачала.

Тые три дни празновавши, идутъ въ городъ Мединетъ (Медину) Ельвабу, си есть городъ МахOMETа Пророка, а тамъ лежитъ тѣло его, въ одной палаткѣ каменной, круглой; а да тое палатки не машъ ни дверей, ни окошка, желѣзными толстыми плитами накрыта, закопано скажутъ, на сто саженой въ глыбъ, чтобъ Персы не украли, которые сказываютъ по сколько разъ подкапывались. И того ради тамъ имѣють Турки сторожу безперечь въ дни и въ ночи.

Тую палатку обшовши, и молитвы отговоривши, идутъ въ поле, на мѣсто уреченное, и тамъ рѣжутъ бараны, о которыхъ преже воспоминаухомъ; на завтрее, за три часа до

свѣта, на коняхъ или на вельблюдахъ, ѣдутъ на одну гору, чтобъ тамъ на свѣту быть, а хто коня не имѣеть, садитце за бедра другому, (а тотъ хто его на своемъ конѣ привезеть, имѣеть то собѣ за великую благодать, что ближняго своего привезъ поученія слушать, понеже тамъ пѣшему ходить не годитце). Тамъ на горѣ четыре амбоны, оподоль одинъ отъ другаго, у всякаго стоятъ одинъ ихъ Иманъ или попъ, а тѣ голосно говорятъ молитвы; а тѣ то богомольцы, голосножь имъ другую строку отказуютъ, а продолжитце та молитва часа на четыре, и сказываютъ, что на той горѣ Господь Богъ першихъ родителей нашихъ поставилъ Адама и Евву, и тамъ онѣ каялись за грѣхъ свои, и прощены суть. Того ради вѣрують, что и имъ отпущены будутъ грѣхи ихъ, когда тамъ молитце будутъ. И постятце въ тотъ день, и не ядятъ, только въ вечеръ, когда вернутце въ дома свои, обаче ядятъ мясо, понеже Турки рыбъ не ѣдятъ никогда, развѣ не будетъ мяса, то уже по nevoли ѣсть рыбу. А когда тѣ то караваны выходятъ въ дорогу, то посылаетъ съ ними Цесарь людей воинскихъ до колько тысячъ, чтобъ ихъ въ дорогѣ берегли отъ разбойниковъ Араповъ. Полковникъ тѣхъ то воиновъ, старшии есть надъ всѣмъ караваномъ, что идетъ въ Каиру, а другии также надъ другимъ, что идетъ съ Дамашку, а тѣ то богомольцы идутъ съ великою набожностію, безперечь молятце, или по перемѣнамъ поютъ, а старшии караваны того смотрить, чтобъ шли рядомъ, не мѣшались однѣ зъ другими, досматриваетъ и того, чтобъ тѣ, которые подредились съ ними кони или вельбюды, вестъ ради ихъ борошень, чтобъ не поуходили, и чтобъ не безчестили богомольцевъ, которые на вышепомянутой горѣ молившисе, идутъ тотчасъ по домамъ.

ГЛАВА XXIV.

О праздникахъ годовыхъ Махометанскихъ.

Два праздника Турки въ годъ празнують, одинъ зовутъ Оръ вебайранъ, сирѣчь великій день съ постомъ, други зовутъ Мебахъ байранъ великъ день съ жертвою. Понеже въ то время всякъ хотя нищей, долженъ забить въ жертву скотину какая (ни на есть) и роздать мясо нищимъ инымъ, а богатые бьютъ скота всякаго много; оба тѣ праздника чрезъ три дни празнуются, а первый праздникъ мѣсяца Августа въ жнива, а другой послѣ семьдесятъ дней. А еще есть праздникъ, которой полъ праздника зовутъ, или день милостыни за умершихъ, а тотъ праздникъ наипаче хранять Махометане въ Сиріи, въ Месопотаміи и въ Египтѣ, неже въ Царьградѣ, понеже тамъ въ тѣхъ странахъ, обычае въ тотъ день люди торговые смѣчаютъ и считаютъ, что ему въ годъ учинилось прибыли, а смета даютъ десятую доль (часть) нищимъ на милостыню за умершихъ. А преже неже тотъ постъ начнутъ, предъ оръ вебайранъ, то недѣлю заговенье чинять, и всякъ Баша, которой въ то время въ Царьградѣ будетъ, выѣдетъ въ полѣ съ своими дворовыми на веселое мѣсто при рѣкѣ Хевтаріа. А тамъ всякъ велитъ свое шатры поразбивать, и тѣшитце на коняхъ стрѣляютъ, изъ луковъ по мѣтамъ съ копьями и джадами гонять въ мѣту, въ полѣ за звѣремъ ѣдетъ, и тамъ другъ у друга подчюетце; такожде тѣшатце и въ день святаго великомученика Георгія, а зовутъ его своимъ языкомъ Хедыррелесъ, а вельми его почитаютъ, яко славна и храбра воина. А почитаютъ и истинно исповѣдаютъ святыми быть: перво святаго Николая, послѣ святаго Антонія великаго и святаго великомученика Георгія, и молятся имъ, говорячи

своимъ языкомъ собенные молитвы, и иныхъ святыхъ нашихъ, по различныхъ мѣstechъ за святыхъ имѣють и почитаютъ.

А самъ Цесарь только Байрами почитаетъ; предъ первымъ Байрамомъ постятъ мѣсяць цѣлый, ничего не ядятъ, ни пьютъ цѣлый день, только въ вечеръ, когда звѣзду увидятъ, а встають за два часа и идутъ въ Мосхею молитце, а тамъ бавятце до другаго часа дни; другой разъ съ полдни молитце два часа, третій разъ въ вечеръ молитце полчаса, а увидѣвши звѣзду на небѣ, идутъ ѣсть мяса, наѣвшисе идутъ въ другомъ часу молитце, и молятце часъ, а пришевши въ дома, въ другое ѣдятъ, а за тѣмъ спятъ, вставши часа за два, третій разъ ѣдятъ, хто хочеть, обаче не мясо, но конфекты и сахары всякіе.

А чрезъ весь тотъ мѣсяць Мосхее, которые грамотами Цесарскими утверждены, стоятъ отворены, а въ срединѣ лампадъ много горитъ зажженныхъ, и на вежахъ (минаретахъ) такожь лампады зажженные, порядкомъ удивленія достойнымъ поставлены, а послѣжде недѣли поста, чрезъ всю ночь садятце всѣ въ Мосхею и молятся съ прилежаніемъ и великимъ почитаніемъ закона своего, а наипаче въ послѣдніе три noci. А тамъ часто кротъ приходитъ и самъ Цесарь незначно и обходитъ божицы инья съ товарищи своими, убравшись чтобъ его никто не позналъ, и поученіе слушаетъ, и милостыню даетъ за умершихъ, а когда придетъ день Байраму, должны всѣ люди на свѣту стать въ Мосхею, всякъ въ прихоцкой своей на молитву, а начальныя тѣхъ Мосхею начнутъ пѣніе, а временемъ и народъ весь поеть съ ними, а послѣ попъ ихъ на концѣ будетъ говорить одну молитву долгую (а народъ весь молчить), просячи Бога за Цесаря и за всѣхъ Махометаловъ, а народъ весь въ то время голосно кликнетъ: аминь, аминь. Еще и другую будетъ молитву говорить долгую, прося Бога, чтобъ

всѣхъ тѣхъ погубилъ, которые вѣры МахOMETовы не приняли, а народъ голоса крикнетъ: аминь.

А въ Москвѣ, гдѣ самъ Цесарь молитце, продолжаютъ молитвы: на перво вышереченную молитву будетъ говорить Иманъ старшии тое божницы, послѣ самъ Муфтии, будто Патріархъ, а оба два будутъ благословить Цесаря, а наконецъ народъ весь благословить Цесаря голосно, а онъ чрезъ весь часъ на колѣнахъ стоитъ, просячи Бога, дабы молитвы за его пріятны были въ небѣ; а самъ себя смиряя, недостойнымъ именуетъ такого дара Божія, что его на такъ высокомъ посадилъ престолѣ, чтобъ тѣ, которые около его стоятъ слышали. А Солиманъ и Амуратъ со слезами молились въ то время; а конча молитвы тые, идутъ по домамъ своимъ здравствуячи другъ другу праздника, и подаютъ одинъ другому руку съ радостію. А Цесарь, приѣхавши въ Шарай, сядетъ на мѣстѣ въ полатѣ долгой, названной Цесарской, а тогда къ нему всѣ Баши и иные начальныя придутъ по одному, на колѣна припадаючи со смиреніемъ, и цѣлуютъ край шаты одежды его, ничего не говоря, а онъ всякаго хочетъ бутто доткнутце рукою верху главы, обаче не дотынетце, только руку простре, оказуючи милость; а всякъ поклоняся идетъ на сторону, уступаючи другому мѣсто, а будетъ всѣхъ тѣхъ начальныхъ сто человекъ слишкомъ. Послѣ встанетъ Цесарь и идетъ въ собенную свою комнату, а тамъ придетъ къ нему муфтей, а Цесарь противъ его встане, и отъидетъ отъ мѣста три степеня, и цѣлуетъ руку его, а послѣ обѣ руки свои положить на голову Цесаря, даючи ему такое благословеніе: «МахOMETъ тебя благословить, а се то тебѣ проповѣдую». Тогда подаетъ ему мѣшочекъ, а въ немъ три тысячи червонныхъ золотыхъ, а когда выходитъ съ полатъ, Казначей ему даетъ двѣ шаты богатаго зотоглаву, здѣланные на его мѣру, по Царскому приказу.

Послѣ придетъ учитель Цесарскій оджія названный, од-

наче и противъ ему повстане Цесарь, а онъ хоче руку его цѣловать, обаче Цесарь не даетъ ему, только доткнутце ее дастъ, и подаетъ ему въ мешечку полторы тысячи червонныхъ золотыхъ. Идетъ потомъ Цесарь въ палаты женскіе здравствовать праздника, тымъ только, которые есть султанами; а онъ всѣ зберутце въ одну полату, ожидаючи его, а когда входитъ, всѣ ему ниско поклонятце, здравствуютъ праздника, а онъ ни единой не откажетъ, а только усмѣхаючись, лице веселое оказуетъ имъ, а послѣ оборотитце къ Арапу, который за нимъ несе на мисѣ серебряной всякіе штуки золотые и серебряные съ каменіемъ дорогимъ, всѣ однако подѣланы, и самъ имъ роздаетъ по одной, и по мѣшечку червонныхъ золотыхъ, чтобъ своимъ служебнымъ роздавали. И такъ, въ оба два праздника дѣлаетъ.

И то вѣдать достойна вещь, что Турки въ Царьградѣ имѣють обыкность, когда суша бываетъ велика, а дожда земля жаждеть, а чтобъ небыло скудости хлѣба и голоду, идутъ всѣ на одну гору, которая есть на полѣ за Галатою, и тамъ одинъ лутшій казнадѣй, поученіе говоритъ, по приказу Цесарскомъ. А говоритъ поученіе черезъ три часа не преставаая, а за всякою четвертью наказываетъ людемъ, чтобъ исправлялись и переставши грѣшить, плакали и клялись своихъ злыхъ дѣлъ, въ тому, чтобъ обѣщали ити на войну противъ гауромъ (сирѣчь Христіаномъ, которыхъ невѣрными зовутъ). А самъ той то казнадѣй на колѣна припадетъ, чтобъ народъ на его смотря, также припали на колѣна, и молились усердно, голосно къ Богу вопіюще, просили отпущенія грѣховъ, а чтобъ помиловалъ ихъ, давъ дождь на землю. А послѣ другую молитву говоритъ за Цесаря, чтобъ его Богъ благословилъ, а послѣ речеть: аминь, и тотчасъ расходятся многіе Мосхен посѣщать. А такъ дѣлають и во время мору, а по инымъ городамъ, глупое поганство, когда моръ находитъ, тогда ищутъ собакъ, сколько могутъ сыскать, и бьютъ ихъ. И всякъ, кто чѣмъ торгуетъ (обаче въ Царьградѣ того

нѣтъ) долженъ предъ лавкою своею собаку убитую повѣсить, а дѣлають то и люди богатые, предъ дверьми своими собаки вѣшаютъ, чтобъ Богъ съволствовалъ душею той собаки, и на нее гнѣвъ свой обернулъ, а самыхъ здоровыхъ оставилъ жить, понеже онѣ вѣрятъ, что Богъ на тотъ часъ истязываетъ только тысячу душъ, и чтобъ не всѣ были съ Турковъ примѣшиваютъ сколько могутъ душъ собачихъ, только, чтобъ наполнить щель душъ, сколько Богъ требуетъ.

И то вѣдать достоинъ, что котовъ не бьютъ, но паче почитаютъ, сказываючи, что Махометь ихъ любилъ вельми, и много ихъ держалъ, тѣшася съ ними. И того ради во время мору, собакъ вѣшаютъ, а котовъ вельми гораздо кормятъ, и на иныхъ мѣстахъ въ Аравіи, въ Дамашку, въ Іерусалимѣ и въ Каирѣ (древнихъ Египтянъ еще обычаемъ, которые котовъ за Бога почитали) великіе клѣтки полны котовъ держать, а умираючи оставляють много казны, чтобъ за душу его котовъ кормили. А въ Царство Селима втораго былъ споръ не малой промежъ народомъ, которой самъ Цесарь рассудилъ, что тѣ, которые на то деньги взяли, чтобъ имъ коты кормить, не хотѣли пріимать милостыни отъ людей на прокормленіе котовъ. И постановилъ Цесарь, чтобъ въ Пятки (которые они вмѣсто недѣли празднують) и въ оба праздника Байраму, пріимовали милостыню отъ города на прокормъ тѣхъ котовъ, а въ иные дни, чтобъ кормили ихъ съ тѣхъ доходовъ, которые съ денегъ приходятъ, что Цесари и Баши даютъ, а иные по смерти отказуютъ на прокормъ котовъ. Въ Царьградѣ собенныхъ домовъ на коты нѣтъ, однакожъ на многихъ мѣстахъ, а наипаче въ торгу, подлѣ Мосхен Султанъ Баязеть, много всегда людей тыхъ, которые на угольи пекутъ разнаго скота мясо на роженкахъ, а Турки съ побожности расходячись, недопеченое мясо покупаютъ и даютъ тамъ въ торгу котомъ ѣсть, почитаючи то за милостыню.

Обычность есть у нихъ покупать птицы всякіе въ клѣткахъ, и тотъ часъ пускають вольно, мня, что тымъ Махомету

своему уподобятся, когда на вольность узниковъ такихъ пуцаютъ, и то за учинность добродѣтельную почитаютъ, что видя когда, кто скотину свою обременить чрезъ мѣру тяжаромъ (тяжестью) какимъ, то того чія то будетъ скотина, или всядятъ въ тюрьму и на самага тотъ тяжоръ вложить; если будетъ на кого судьи донесутъ, то его велитъ изъ города кату (палачу) выгнать, и ноздри ему разрѣзать. А когда лучитце пожаръ въ Царьградѣ, то скоро дадутъ вѣсть Янчаръ агѣ, старшему надъ Янычарами, должность его тотчасъ бечь гасить со всѣми янычары своими, а тѣ вмѣсто гашенья, больше людемъ бѣднымъ покрадутъ, нежели въ огни згорить. А въ Царство Амурата четвертаго прилучилось, что за три часа, не много не весь городъ выгорѣлъ, а если бы Цесарь не послалъ своихъ дворовыхъ людей съ Шараю, которыхъ было десять тысячъ съ сѣкирами, и скоро обрубилъ всѣ хоромы, что огонь далѣ не поступилъ, не осѣдѣлъ бы себѣ и самъ Цесарь въ Шараю. Жалѣючи послѣ шкоды людей скудныхъ велѣлъ поотпирати всѣ ворота въ Шараи, чтобъ всѣ входили, и тамъ ихъ чрезъ три дни кормить велѣлъ, и давалъ всякому своею рукою по червонному золотому, а третьяго дня ѣздилъ на пожаръ и спрашивалъ торговыхъ людей, сколько тамъ убытку учинилось. А тѣ ему сказали, что больша четырехъ милліоновъ червонныхъ золотыхъ убытку, сирѣчь больша четырехдесяти разъ по сто тысячъ: сожалѣлся вельми и позволилъ всѣмъ дабы кто хочеть строитце, черезъ три года сѣкли лѣсъ его безъ всякой подати, такожде, чтобъ на погорѣлаго ни хтѣ не билъ челомъ ни о чемъ, ни долгу не искалъ чрезъ три года, а къ тому же много роздалъ кирпича и чрезъ мѣсяць весь вольно было по вся дни итти по милостыню всякому, а давано на всякъ день много; такожь на погорѣльцахъ не велѣлъ брать перевозовъ, ни пошлинъ нигдѣ черезъ три года, и за три года городъ построился лучше, неже предъ пожаромъ былъ.

Съ того всего не трудно познать богатство и возможность

и силу того тирана, котораго не ни за что вмѣняя, Бога всемогущаго усердно молить непрестанно должны есмь, дабы его гордость смиривши, народъ Христіанскій братію нашу съ подъ тяжкаго ярма Басурманскаго свободилъ, а Православному Самодержцу нашему далъ мужество, побѣду и одолѣніе на враги Бреста Господня. Буди, буди!

ВЫКЛАДЪ СЛОВЪ НѢКОТОРЫХЪ.

- Милліонъ**, — содержитъ въ себѣ десять вротъ сто тысячъ.
Барикъ, — 1633 (золотыхъ червонныхъ).
Библиотека, — именуется книгохранительница.
Цекавзъ, — (цейхгаузъ) или арсеналъ, пушечный дворъ.
Миница, — денежный дворъ.
Минцаръ, — мастеръ или заводчикъ денежный.
Муфти, — Патриархъ Турецкій.
Иманъ, — Попъ Турецкій.
Сантонъ, — инокъ Турецкій.
Царьградъ турки зовутъ Стамбуль, а тожь Константинополь и Византиумъ.
Мосхья, — божица Турецкая.
Бади, — судья.
Дыванъ, — судовая Полата.
Султанъ, — Цесарь.
Султана, — жена Цесаря.

При владѣніи Цесарей Греческихъ въ Царьградъ на всякъ день приходило въ казну 24000 червонныхъ золотыхъ.

[REDACTED]